

**РЕГИОНАЛЬНАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
«ЦЕНТР ЭТИКИ И ЭСТЕТИКИ РУССКОГО МИРА»**

КАК ВОССТАНОВИТЬ КУЛЬТУРНУЮ ПОЧВУ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ?

**Материалы «круглых столов»,
проведенных «Центром этики и эстетики Русского мира»**

2020

УДК 316.7+316.4

ББК 60.524

РЕЦЕНЗЕНТЫ:

доктор филос. наук Э.М. Андреев
канд. культурологии Н. В. Кузьмина

Составитель и ответственный за выпуск
председатель «Центра этики и эстетики Русского мира»,
доктор филос. наук И.К. Джерелиевская

Как восстановить культурную почву в современной России? м-лы «круглых столов», проведенных «Центром этики и эстетики Русского мира» /сост. и отв. за выпуск И.К. Джерелиевская – М.: «Центр этики и эстетики Русского мира», 2020. - с.99

В сборнике публикуются выступления участников «круглых столов, проведенных «Центром этики и эстетики Русского мира» в 2019- 2020 учебном году. Издание адресуется философам, психологам, социологам, этнографам, культурологам, политологам, теологам, специалистам в области социального управления, научно-педагогическим работникам, аспирантам и студентам, всем, интересующимся проблематикой культуры Русского мира.

УДК 316.7+316.4
ББК 60.524

ISBN 978-5-6041297-2-2

©«Центр этики и эстетики Русского мира»

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие.....	4
И.К. ДЖЕРЕЛИЕВСКАЯ	
Каковы культурные корни России и их роль в социальном развитии?.....	6
В.И. ПАНТИН	
Культурная идентичность и роль России в современном мире	16
Э.В. БАРКОВА	
Ценностная вертикаль и традиции отечественной науки в стратегических ориентирах акмеологии ноосферного образования.....	20
М. Г. ПЕРЕСТОРОНИНА	
Метатекст как метаидеология цивилизационного развития России в современном полицентричном мире.....	31
М.В. БЕЙЛИН, Л.М. ГАЗНЮК	
Византизм как проект построения православной империи	37
Н. С. ИЩЕНКО	
Россия, Донбасс, Украина: в поисках цивилизационной идентичности.....	48
Е. А. ЗАСЛАВСКАЯ	
Применение пропаганды для изменения культурной идентичности современной Украины.....	54
А.Ю. ТРУБЕЦКАЯ	
Социально-культурные смыслы национальных проектов	61
О.С. КРЮКОВА	
Какие ценности транслирует новейшая русская литература?.....	69
М.А. ДЖЕРЕЛИЕВСКАЯ	
Влияние трансформации психоэкологической ниши на личность	72
А.С. ТИМОЩУК	
Восстановление почвы: программа феноменологического субстанциализма	78
А.А. ШПАКОВСКИЙ	
Монументальное искусство как транслятор архетипических смыслов	87
В.Ф. ГАНОВИЧЕВ	
Формы духовного воспроизводства	91
Информация об авторах.....	98

ПРЕДИСЛОВИЕ

Более трехсот лет назад российское общество подверглось расколу, который не изжит до сих пор. На столе раздора фундаментальные вопросы общественного бытия – каково предназначение и место России в глобальном историческом процессе, и каков смысл существования народа России, а соответственно и каждого отдельного человека. Очевидно, что без солидаризированного ответа на эти вопросы невозможно коллективное историческое творчество, предполагающее подвижничество и синергию. В основе этого творчества – опора на свои культурно-цивилизационные корни – ценности, идеи, идеологемы, пробуждающие волю народа и мощь народного духа, являвшиеся не раз залогом победы в трагических обстоятельствах.

Однако, как нам представляется, именно корневая система универсальной русской культуры как культуры надэтнической, скрепляющей единство народов России и удерживающей остои Русской цивилизации, постоянно становится объектом разрушительных действий. Несмотря на заявление политического руководства страны о том, что Россия – это цивилизация, реальные действия элиты России продолжают не соответствовать масштабу задач, которые стоят перед Русской цивилизацией, более того содержание этих задач остаётся не осознанным.

Между тем, утверждение культурно-цивилизационных основ России – это не только обеспечение её духовной безопасности, но и преодоление угрозы расчеловечивания в мире. Защищая Русскую цивилизацию, мы тем самым утверждаем альтернативу будущему мира, совершаем вклад во вселенское дело.

Используя фразеологию доклада Изборского клуба «Русский Ковчег», можно сказать, что Русская цивилизация противостоит «цивилизации Потопа». «Уже не того, библейского, обновившего древнюю землю, но потопа невидимого, ментального, потопа информации, образов, мысленного хаоса, растрепанности, который изнутри самого человечества грозит затопить последний живой клочок его сердца, растворить его жизненные смыслы...» И как во времена Ноя спасение от потопа было обретено посредством строительства Ковчега, так и сейчас «сакральный символ Ковчега является наиболее адекватным для обозначения альтернативного цивилизационного проекта, разворота человечества или хотя бы его части на спасительный курс. Тем более что этот проект изначально имеет своей целью не только физическое выживание, но и спасение сакральных оснований жизни»¹.

¹ Русский Ковчег. Альтернативная стратегия мирового развития. [электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://izborsk-club.ru/18825>

«Русский Ковчег» – это, конечно, не современная Россия, а Россия извечная, метафизическая, которая, пройдя в своей истории через подвиг страданий, обрела бесценный опыт всеединства и мудрой настроенности к примирению противоречий и к любви. Из глубины своих беспримерных страданий она черпает призывание к созданию на Земле возвышенного божественного порядка, образ которого таится в её душе, и который нам предстоит ещё расшифровать.

Кстати сказать, известные события с коронавирусом COVID-19, приостановившие наши «круглые столы», ужесточили борьбу за образ будущего России и мира, за ценности и смыслы, которым в дальнейшем предстоит определять жизнь на Земле. Мы надеемся, что настоящий сборник будет расценен как вклад в защиту Русской цивилизации против агрессии «цивилизации Потопа», направленной на уничтожение традиционных ценностей и культурной почвы жизни народа.

Статьи, вошедшие в сборник, выражают различные мировоззренческие позиции авторов, их методологические подходы и фокус зрения проблемы, однако всех их роднит убеждение в ошибочности забвения своих культурных корней и опасности выпадения из своей ценностно-смысловой и социо-психологической ниши.

И.К. Джерелиевская

КАКОВЫ КУЛЬТУРНЫЕ КОРНИ РОССИИ И ИХ РОЛЬ В СОЦИАЛЬНОМ РАЗВИТИИ?

И.К. Джерелиевская

Рассмотрение обозначенной темы предполагает формулирование ответов на ряд вопросов: Как понимается культура? Что такое культурные корни? Какова взаимосвязь культурной укоренённости и социального развития? И наконец, что именно мы относим к корневой системе русской культуры?

Поскольку однозначного определения культуры не существует, более того количество определений исчисляется сотнями, и они исходят из разных оснований, мы опираемся на собственное представление о культуре как о материальном и идеальном мире, который творит человек. Согласно ему культура – это и способы коммуникации, и способы организации жизни, и способы поведения людей, вещи и художественные произведения, свойства и формы, идеи, ценности, смыслы и др.

В основе интеграции этих разрозненных элементов в единую систему культуры, по мысли П.А. Сорокина, лежит логико-смысловой метод, обеспечивающий наиболее устойчивую, глубинную (внутреннюю) интеграцию. Такая интеграция осуществляется **главным смыслом или главной идеей**, которая пронизывает все разрозненные элементы культуры, превращая их в логико-смысловое единство [9, с.29]. П.А. Сорокин полагает, что логико-смысловой метод исследования предпочтителен именно в сфере культуры, т.е. в сфере деятельности человеческого ума, будь то наука, религия, искусство, философия, мораль или техника. Иначе говоря, «смысловая и логическая интеграция, по определению, может существовать лишь там, где есть разум и смысл» [9, с.32]. Таким образом, логико-смысловой подход определяет культуру как способ смыслополагания, как смыслофиксирующий феномен, как осмысленность.

Где же обретается главный смысл или главная идея культуры, которая пронизывает все её элементы, придает смысл и значение каждому из них и тем самым, как замечает П.А. Сорокин, «из хаоса разрозненных фрагментов создает космос» [9, с.34]? Он даёт исследователю следующую подсказку, утверждая, что высшие ценности культуры, являя собой логико-смысловое единство, образуют тот самый «уровень, который придаёт ей её социокультурную и логико-смысловую индивидуальность, её особый стиль, облик и характер» [9, с.32-33]. Из этого следует, что именно высший уровень ценностей культуры обеспечивает интеграцию разрозненных культурных элементов в единую систему культуры.

В системе культуры можно выделить несколько уровней ценностей: субъектно-личностный уровень, обеспечивающий поведение индивида в его

повседневной жизни; социальный уровень ценностей, имеющих конвенциональную природу и выражающих интерессубъектный аспект общественной жизни; трансцендентальный (высший) уровень ценностей (вечные, абсолютные ценности, объективные мыслительные формы), являющих собой сферу смыслополагания. Другими словами, культура «одновременно живет в каждом человеке, пролегает между людьми и непостижима в своей вечности, уходя в глубины космоса» [7, с.110].

Понимаемая таким образом культура всегда больше того, что вытекает из временных договоренностей людей. В таком виде культура «неравномасштабна» обществу, она больше его. Действительно, с одной стороны, культура накладывает ограничения на поведение людей, с другой, – она расширяет их возможности, побуждая к служению высоким идеалам и стремлению к вечным, непреходящим ценностям. Словом, культура формирует и структурирует всю совокупность отношений человека, которые по своей природе аксиологичны. Они есть форма ценностного сознания. При этом только высший ценностный уровень культуры способен обогатить человека смыслом жизни, который необходимо осуществить, что предполагает наличие осмысленной позиции по отношению к любым жизненным обстоятельствам.

Особенность человеческого духа (как пространства смысла жизни) состоит в том, что он не может осознавать себя иначе, как высшей целью и ценностью развития бытия. Подобное состояние нашего «Я» есть присущий духу способ самообоснования. Через утверждение идеальных смыслов и ценностей дух порождает жизненную тягу ко всему абсолютному, к бессмертию: люди идут на подвиг и на смерть. Так, идея осуществления смысла превращается в цель осмысленной жизни.

Как видим, высшие ценности культуры обладают потенциалом не только интегрировать разрозненные элементы культуры в единую систему, но и придать смысловую целостность всякой человеческой жизни. Поэтому мы склонны полагать, что этот комплекс ценностей и есть корневая система культуры. Он может иметь различные названия – «высший уровень ценностей культуры», «ядро культуры» или «культурный код». Важно одно, этот комплекс ценностей скрепляет воедино элементы культуры, поступки людей и исторические события, имеющие всегда ценностное измерение.

Обозначение этого комплекса ценностей является основой для развития идеологических форм, образовавших свой «ареал в культуре» [5, с.101] и выражающих её духовно-идеологическую функцию. Основной целью формирования идеологии как духовного производства является теоретическое обоснование, формулирование, защита и распространение корневых ценностей

культуры, обеспечивающих устойчивость социума [6], а тем самым противодействующих противоречащим им ценностно-смысловым системам.

В целом в структуре взаимосвязей культуры и общества, кроме обозначенной духовной функции, можно выделить еще две функции – социально-организационную и социально-коммуникативную. В настоящее время в силу усложнения общественного бытия характер организационных форм культуры приобретает большое значение, однако организационная сторона общественного бытия не рассматривается как культурный феномен, ее скорее относят к миру социальных, а не культурных форм. «Между тем, применительно ко всем организациям, институционализирующим совместную деятельность людей, неправомерна альтернативная постановка вопроса – являются ли они формами общества или культуры, ибо тут общество и культура объединяют свои усилия, образуя культурные способы опредмечивания общественных отношений... Отсюда становится очевидным понятие «социокультурное», обозначающее связь и различие этих двух сторон человеческого бытия»[5, с.99]. Таким образом, все организации – это опредмеченная форма человеческих отношений, это не столько продукт деятельности людей, сколько форма объективации самой этой деятельности. Именно поэтому социально-организационная культура охватывает всю жизнь общества, так или иначе оформляет всю полноту общественных отношений, оказываясь равномасштабной обществу.

Социально-коммуникативная функция культуры выражает качественную определенность взаимосвязей людей, в процессе которых осуществляется передача информации, чувств, оценок, значений, смыслов, ценностей и т.д. Культурная коммуникация – это, наиболее глубокая «клеточка» формирования и сохранения социума, так как именно здесь складывается то смысловое поле, которое обеспечивает взаимопонимание людей, их совместную деятельность и поведение в обществе .

Следовательно, взаимосвязь общества и культуры приводит, во-первых, к созданию разнообразных социальных институтов – организаций, придающих культурные формы общественным отношениям. Во-вторых, – к формированию общего ценностно-смыслового пространства, выступающего основой взаимопонимания и взаимодействия людей. В-третьих, к опредмечиванию этих отношений в продуктах духовного производства, отделяющихся от человека и приобретающих самостоятельное существование в человеческой истории.

Однако культура и общество встречаются и в ходе развития личности, делая этот процесс двусторонним – одновременно социализацией и инкультурацией индивида. «Подлинная сложность онтогенеза человека, – замечает М.С. Каган – состоит именно в том, что условием его является природная данность – совокупность врожденных индивидуальным качеств, которая подлежит обработке и

переработке силами общества и силами культуры. Оттого конечный продукт этого процесса – человеческая индивидуальность – оказывается трехсторонней системой, обусловленной особенностями взаимодействующих сторон – природы, общества и культуры» [5, с.105].

Если социализация индивида, задающая основу социальному управлению, направлена на его адаптацию к обществу, что унифицирует его и делает равномасштабным обществу, то процесс инкультурации, связанный с духовной функцией культуры, поддерживает и оформляет его потребность к трансценденции, т.е. к преодолению существующего социального содержания в целях его очеловечивания. Культура постоянно оказывается встроенной в любые исторические модификации формы общественной организации, поскольку иначе человек как социальный субъект (коллективный или индивидуальный) не смог бы возвыситься над существующим социальным содержанием, преодолеть его, заново организовать и сконструировать в соответствии со своими собственными характеристиками. Культура – это способ переработки общества, необходимый для выявления и закрепления в общественных отношениях параметров развития субъекта, сохранения его способности оставаться субъектом в изменяющихся исторически условиях и обстоятельствах. Но культура – это также и способ «снятия», преодоления прежнего социального порядка, выход за пределы обыденного и культурно узаконенного поведения. Но выйти за пределы социально-организационной культуры можно только в пространство высшего уровня культуры, в сферу смыслополагания, делающую осмысленной собственную жизнь человека.

Трансцендирующий субъект как совокупность действующих и мыслящих индивидов – это внутренняя энергия культуры, ее самоформирующая сила [3]. Субъект превращается в субстанцию культуры не просто в форме потребностей, интересов, установок, целевых ориентиров индивидов и социальных групп, но как способ выявления возможностей и превращения их в символическое смысловое пространство свободного выбора действий людей, направлений их самореализации. Общественные структуры – институты, отношения, функции – всего лишь структурно оформленные общие направления такой самореализации. Культура в этом случае – это сама возможность субъектов реализовать свою собственную природу в формах общественной деятельности. Это – субъектно-организованная сфера общества, которая как раз является способом воспроизводства субъектности людей.

Поэтому можно сказать, что корневая система культуры – это субъектно (и системно) обусловленное пространство порождения и самоопределения социальности, коллективности, обеспечивающее различные способы идентификации, приобщения индивидов и социальных групп к среде

собственного существования. Это – программирование не только деятельности, но и самой целенаправленности социального бытия, программирование, открывающее смысл жизни народу, смысл, который выше будничных забот и борьбы за существование. Смысл, который соединяет с прошлым, примиряет с настоящим и открывает будущее. Из этого следует, что только культурно укоренённый народ (субъект) обладает способностью творить своё будущее. А культурная укоренённость народа, в свою очередь, обусловлена его устойчивой связью с высшим, трансцендентальным уровнем культуры – сферой смыслополагания.

Однако проблема современного социального развития видится в том, что минимизируется способность культуры к воспроизводству субъектности личности. Можно сказать, что культура утрачивает свой онтологический статус, т.е. способность к воспроизводству новых форм или видов бытия. По выражению М.С. Кагана, она теряет «интенциональность внутрь человека», все более обнаруживая социально-организационную направленность. Духовная функция культуры при этом имеет шанс переродиться в чисто идеологическую. На смену культурной коммуникации, утверждающей ценность непосредственного человеческого общения, дружбы, любви, служения приходит социальная коммуникация, поддерживающая формализованные связи. По мере того, как сокращается субъектно-организованная сфера общества, возрастает значение системно-структурных начал в его организации. Дальнейшее сокращение возможности субъектов реализовать свою природу в формах общественной деятельности и девальвация ключевых духовных ценностей человечества открывает путь к приобретению такой социальной системой формы институционального насилия над личностью и к усугублению деструкций духовного мира человека.

Преодоление этих негативных тенденций связывается нами с совершенствованием внутренней основы общественной системы, обеспечения в ней культурно-исторических изменений посредством развития организационных форм общественного бытия в направлении духовно-нравственных ориентиров, согласуемых с корневой системой культуры.

Здесь самое время остановиться на вопросе, какова корневая система русской культуры, которая исторически складывалась как духовное домогательство Смысла – согласия между предполагаемой правдой сущего и полагаемой правдой личности.

В последнее время появился ряд работ [1; 2; 8], в которых высказывается утверждение, что русская культура, как всякая великая культура, обладает своим собственным типом смыслополагания, своей логикой, рациональностью как своим способом познания, отличным от западной культуры. Это утверждение

связывается с фактом принятия христианства от Византии, определившим иную философскую традицию. Если католическая схоластика восходит в значительной степени к Аристотелю и на аристотелевском миропонимании в дальнейшем выстраивается Западная цивилизация, то восточно-христианское, православно-русское философское умозрение тяготеет к Платону. Точка опоры для Платона – эйдос, чистая идея, первичная по отношению к объектам. «Постигая первоначально идею, исследователь далее экстраполирует достигнутое понимание на конкретные объекты. Отсюда у Платона дедуктивный принцип вместо индуктивного у Аристотеля, полагавшего в качестве опоры вещь, материальный объект. Отсюда платонический поиск (сам Платон заложил основы этого поиска) идеального жизнеустройства. Отсюда, как политическая проекция – идеократия, т. е. власть идеи, – та самая модель государственности, которая исторически идентична России» [2, с.4].

Существует несколько подходов к выявлению истоков главной – «русской идеи». Согласно первому подходу исток видится в Боге. Авторство этого подхода, как правило, относят к Вл. Соловьёву. «Русская идея», согласно ему, это выражение замысла Божьего в отношении России, постигаемого народом через откровение. Однако, на наш взгляд, впервые «русская идея» была сформулирована митрополитом Илларионом Киевским в его «Слове о Законе и Благодати», написанном примерно в середине XI века. Основная тема этого прекрасного памятника древнерусской словесности состоит в утверждении равноправия всех народов перед Богом. Митрополит Илларион определяет концепцию всемирной истории как распространение христианства на все народы мира, предвосхищая на несколько столетий идею «всеединства» В. Соловьева и идею «всечеловеческого» Ф. Достоевского. Он впервые вводит понятие «русский народ» и определяет его предназначение (миссию) в мировой истории как хранение христианства до второго пришествия. Одновременно в этом произведении проявлен иной, по отношению к западной схоластике, тип логики: здесь вместо причинно-следственных связей используются смысловые, обусловленные Евангелием. В дальнейшем этот тип логики обнаруживается в русской литературе, особенно в произведениях А. С. Пушкина и Ф.М. Достоевского.

В фокусе идеи о предназначении России в хранении и защите христианских ценностей становится понятным напряженное внимание к Западной цивилизации со стороны русских христианских философов, в частности, тонко подмеченное В. Шубартом. «Россия вынашивает по отношению к Европе мысль о своем призвании, что, в конечном счете, стало русской национальной идеей. Россия не стремится к завоеванию Запада, ни к обогащению за его счет – она хочет его спасти. Русская душа ощущает себя наиболее счастливой в состоянии самоотдачи

и жертвенности. Она стремится ко всеобщей целостности, к живому воплощению идеи о всечеловечности. Она переливается через край – на Запад. Поскольку она хочет целостности, она хочет и его. Она не ищет в нём дополнения себе, а расточает себя. Она намерена давать, а не брать. Она настроена по-мессиански. Её конечная цель и блаженное упование – добиться всеединства путём полной самоотдачи [10, с.29].

Второй подход состоит в понимании «русской идеи» как идеала. Град Китеж или Беловодье народной мифологии, фиксируемые письменно с конца XVII в., выражают мечту о вечной гармонии – о каком-то неизвестном месте, где можно будет постичь гармонию. Это – русская мечта об идеальном; но настолько идеальном, что и неосуществимом. И тем не менее, движение от реального к идеальному, к тому идеалу, который социум целеполагает для себя, можно воспринимать как направление развития.

Третий подход, наиболее детально разработанный евразийцами, связывает «русскую идею» с материальными средовыми условиями существования. Россия имеет естественные границы, которые определены ландшафтом. Кроме того, её отличает особый характер почв и особые климатические условия. Эти естественные условия заложили основу для того, чтобы народы на этой территории образовали естественный союз, что предопределило особенности менталитета. В таком понимании «русская идея» – это выражение оптимума сосуществования в условиях месторазвития.

Однако при всем различии подходов к пониманию «русской идеи» все мыслители сходятся во мнении, что эта идея существует.

В чём же сущность «русской идеи», конституирующей и культуру, и историю? И А. Смирнов, и В. Багдасарян утверждают, что это – **целостность** и **соборность**, восходящие к православию, где «полнотой истины обладает только вся Церковь целиком – Церковь соборная, собранная. Это – принципиальный момент, в котором западное христианство разительно отличается от православия. Соборность предполагает собранность *всех*. Это означает, что если не хватает хотя бы одного, то теряется полнота истины – сама истина тем самым утеряна. Все-субъектность и все-ценность (ценность каждого, невозможность пожертвовать хотя бы одним), таким образом, оказываются органичны для этого мировоззрения» [8 с.26-27].

Показательно, что оба ученых – и А. Смирнов, и В. Багдасарян стремятся сохранить этот смысл и встроить его в проект будущего России. Для этого они выражают его на внерелигиозном языке, обеспечивая тем самым ему надконфессиональный, надэтнический и наднациональный характер. Так, возникают понятия «всесубъектность» (А. Смирнов) и «солидаризационное развитие человечества» (В. Багдасарян), являющие собой методологическое

основание цивилизационного проекта, альтернативного унифицирующему глобалистскому. Рассмотрим эти понятия более детально.

По мысли А. Смирнова, «всесубъектность» означает, что «никакая стадия, никакой этап развития человечества и никакая из его цивилизаций не может быть отброшена как ненужная или преодоленная. Здесь нет никакого гегелевского снятия или абсолютного прогресса, лестницы движения к абсолютному идеалу, когда мы отбрасываем все пройденные ступени... Это, конечно, собранность вокруг одной идеи, собранность в один организм. Непременная центрированность. Это – гармония многообразия с *улаживающим* и *налаживающим* (устанавливающим *лад*) центром. Но этот центр – не один из субъектов, собранных в соборную личность, а именно идея» [8, с.29-30]. Далее ученый полагает, что на пути утверждения всесубъектности необходимо преодолеть логику «общечеловеческого». «Для общечеловеческого ценно только воплощение общей сущности, причем наиболее ясное и полное ее воплощение. Отсюда — и дух конкуренции, и стремление к совершенствованию, болезненное постольку, поскольку требует выбраковки всего, что не соответствует не просто общечеловеческому, но его максимально напряженному и яркому проявлению. *Только логика всечеловеческого может быть альтернативой* (разработана Н. Я. Данилевским, Ф. М. Достоевским, классическим евразийством – И.Д.); только всечеловеческий взгляд может помочь остановить разгул нетерпимости, свойственный общечеловеческому подходу» [8, с.91]. А нетерпимость в нем неизбежна, поскольку этот подход выдает одну, культурно-обусловленную позицию за некую над-культурную и потому универсальную.

Таким образом, всесубъектность как основной смысл русской культуры позволяет осознать Русскую цивилизацию как многоконфессиональную, многоэтническую и многокультурную, чего до сих пор сделано не было. Одновременно этот смысл может одухотворить модель многоцивилизационного мира.

В. Багдасарян объясняет введенное им понятие «солидаризационное развитие человечества» следующим образом. В основе «солидаризации» лежит идея коллективизма, но усиленная духовной ориентированностью и общностью. Под «солидаризационным развитием человечества» подразумевается, что «солидаризируется не один народ, или нация (это путь национал-социализма), а объединяются народы. Это – мессианский компонент «русской идеи». Мессианство этимологически производно от «мессия, спаситель». Мессианская идея – это идея спасения человечества от эрозии расчеловечивания. И здесь принципиально важно – не господство, а именно спасение! Мессианство – это концепт, прямо противоположный идее мирового господства» [2, с.6].

Подобно А. Смирнову В. Багдасарян отрицает идею развития на основе конкуренции, восходящей к логике «общечеловеческого». По его мнению, «русская идея» утверждает иную логику развития – именно на основе солидаризации, а не на основе конкуренции. И одновременно процесс развития имеет иную интенциональность. Если в западной традиции развитие рассматривается «как изменение среды вокруг тождественного человека» (идея прогресса, в том числе, научно-технического), то в русской культуре существует иная модель развития: «здесь развивается, прежде всего, человек, а уже дальше, измененным человеком может преобразовываться и техническая среда». Эта модель восходит к православной идее преображения, «которой не было в католическом богословии, и которая не получила должного раскрытия и в «западной» мысли в целом». В России же идея преображения была обогащена смыслом социального преображения: «преображение не для избранных, а преображение всего социума на основе привнесения новой идеи. Одухотворение социума через реализацию системы идеократии» [2, с.7].

С учетом выявленных культурных корней попытаемся сконструировать проект отечественного социума. Самая общая его характеристика – единство в многообразии. Многообразие – этническое, конфессиональное, культурное интегрировано в соборную личность на основе смысловых (а не причинно-функциональных) связей, восходящих к высшему Смыслу, центрирующему социум. Высший Смысл не может иметь конвенциональную природу, он обладает духовно-нравственным потенциалом, истоком которого является трансцендентальный уровень культуры, т.е. сфера смыслополагания. Высший Смысл открывает пространство Духа и придает нравственный и социальный смысл всякой человеческой жизни и деятельности. Напомним, что М.М. Бахтин противопоставлял смысловую организацию жизни организации её во времени, считая, что смысл дает человеку вневременную опору. «Мое определение самого себя дано мне (вернее, дано как задание, данность заданности) не в категориях временного бытия, а в категориях ещё не-бытия, в категориях цели и смысла. Мое внутреннее бытие сплошь создано этим предстоящим смыслом, если оно в своем самодовольстве отрывается от него, пребывая в своей наличности, то оно впадает в глубокое противоречие с самим собой, приводящее к овеществлению человека». [4, с.70] Поэтому основной опорой здесь является трансцендирующий субъект (в отличие от западного общества, где потребность и способность к трансценденции приносятся в жертву социальному порядку). Общество (социальная система) развивается, т.е. всё более очеловечивается, устремляясь к идеалу, который оно целелолагает, в значительной степени благодаря способности мыслящих и действующих индивидов переиначивать существующее социальное содержание, социально преобразовать его. Но первичным актом выступает преображение

самого индивида, т.е. освобождение его от частичности, обусловленной эгоцентрическими устремлениями, во имя целостности – любви. Любовь как упразднение эгоизма, по мысли Вл. Соловьева, важна не как одно из наших чувств, а как перенесение всего нашего жизненного интереса из себя в другое, как перестановка самого центра нашей личной жизни. Такой процесс обусловлен нашей духовной природой, особенность которой состоит в том, что человек может, оставаясь самим собой, в своей собственной форме вместить абсолютное содержание (которое на религиозном языке называется царствием Божиим).

Нельзя не сказать, что советский период истории России был периодом, когда в основе государственно-политического и социального устройства использовалась в значительной степени корневая система русской культуры. Этот феномен детально проанализирован Н.А. Бердяевым в его блестящей работе «Истоки и смысл русского коммунизма». Поэтому процесс декоммунизации, осуществленный в 90-ые годы, был в сущности своей этапом низвержения культурно-цивилизационных основ России. Её дальнейшее развитие обусловлено, прежде всего, реставрацией этих основ, а не того или иного политического строя.

Список литературы:

1. Аксючиц В.В. Становление русской философии [электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://victor-aksyuchic.blogspot.com/2018/02/blog-post.html>
2. Багдасарян В.Э. «Русская идея»: что не понимает власть? [электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://novsoc.ru/v-bagdasaryan-russkaya-ideya-cto-ne-ponimaet-vlast/>
3. Баркова Э.В. Категория "жизнь" в проектировании перспектив бытия человека // Социально-гуманитарные знания. 2016. № 8. С. 241-248.
4. Бахтин М. М. Работы 1940-х-начала 1960-х гг. //Собрание сочинений: В 7 т. М.: Русские словари, 1996. Т.5
5. Каган М.С. Философия культуры. СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1996.- 416 с.
6. Мармазова Т.И. Философско-политический анализ функций политики сквозь призму цивилизационного дискурса // Право и практика. 2020. – No 1. С. 183-184.
7. Резник Ю.М. За пределами культуры и социальности: проблема трансперсональности. // Личность. Культура. Общество. 2009. Т.ХI. Вып. 1. №46-47, – С.109-119.
8. Смирнов А.В. Всечеловеческое vs. общечеловеческое. М.: ООО «Садра»: Издательский Дом ЯСК, 2019. – 216 с.
9. Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика. Исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений / Пер. с англ., комментарии и статья В.В.Сапова. СПб.: РХГИ, 2000. -1056 с.
10. Шубарт В. Европа и душа Востока. М.: Русская идея, 2000. – 446 с.

КУЛЬТУРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И РОЛЬ РОССИИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

В.И. Пантин

Под культурной и цивилизационной идентичностью в данной работе понимается принадлежность определенного народа или межнациональной (межэтнической) общности к той или иной культуре и цивилизации, которая выступает носителем таких религий, идеологий, ценностей и культурных норм, которые имеют свою ярко выраженную специфику, но при этом обладают универсальной, общечеловеческой, всемирной значимостью. В этой связи важно подчеркнуть, что культурная и цивилизационная идентичность России, русского народа и российской межнациональной общности всегда отличалась от идентичности Западной Европы и США, что обусловлено другой по сравнению с Западом системой российских базовых ценностей, другой идеологией, другими традициями и культурными нормами [2, 3]. Более того, Россия в культурном плане осуществила оригинальный и самобытный синтез западной и восточной культурных норм и обычаев, синтез ценностей Запада и Востока.

Это обстоятельство крайне важно в современную эпоху, и его учет является необходимым условием восстановления культурной почвы в современной России. Дело в том, что продолжающиеся в настоящее время попытки любой ценой насадить в России западные или абстрактные, во многом фиктивные «общечеловеческие» ценности, культурные и цивилизационные нормы прямо ведут не только к размыванию культурной, идеологической, религиозной и ценностной почвы в России, но и к разрушению российской культуры и российской цивилизации. Такие попытки, неоднократно предпринимающиеся, искажают и нарушают культурную преемственность в России, связь поколений, обрекают Россию на роль подражателя Запада, не способного к самостоятельному творческому развитию, и в итоге ведут российское общество в тупик. В результате либеральное западничество разрушает саму ткань русской и российской культуры, что неизбежно ведет к разрушению российского общества и государства. Здесь уместно процитировать Н.А. Бердяева, который, будучи скорее западником, всё же понимал, к чему ведет некритическое западничество: «Отрицание России и низкопоклонство перед Европой – явление русское, восточное, азиатское явление. Именно крайнее русское западничество и есть явление азиатской души. Можно даже высказать такой парадокс: славянофилы, взгляды которых, кстати сказать, я в большей части не разделяю, были первыми русскими европейцами, так как они пытались мыслить по-европейски самостоятельно, а не подражать западной мысли, как подражают дети.

Славянофилы пробовали делать в России то же, что делал в Германии Фихте, который хотел вывести германское сознание на самобытный путь... Для русского западника-азиата Запад – обетованная земля, манящий образ совершенной жизни... Западный человек не идолопоклонствует перед своими культурными ценностями – он их творит. И нам следует творить культурные ценности из глубины» [1, с. 274–275]. К этим словам Бердяева следует добавить, что отрицание России, низкопоклонство перед Западом и несамостоятельность мышления и действия – свойство русской либерально-западнической интеллигенции, а вовсе не русского народа и других народов, проживающих в России, которые неоднократно демонстрировали свою способность к самобытному историческому, культурному, научно-техническому творчеству «из глубины».

Очевидна особая опасность разрушения культуры в России посредством слепого следования за странами Запада в начале XXI века, когда в странах Западной Европы и в США последовательно и целенаправленно разрушаются все традиционные ценности, традиционная культура, религия, семья, насаждаются однополые браки, изменение пола и т.п. Россию и ее народ пытаются заставить отказаться от своих культурных норм и следовать так называемым европейским или американским «либеральным ценностям». Между тем Россия и ее многонациональная культура, благодаря своему промежуточному географическому, геополитическому и геокультурному положению между Западом и Востоком, может сыграть важную роль во взаимодействии Запада и Востока, в предотвращении лобового и разрушительного столкновения Запада и Востока, западных и восточных ценностей и культурных норм. Однако для этого Россия должна сохранить и восстановить свою культурную почву, которая в значительной мере деградировала в период «перестройки» и неолиберальных «реформ» 1990-х гг.

Итак, что же нужно делать, чтобы восстановить культурную почву в современной России? *Во-первых*, ни в коем случае не соглашаться с тем, что Россия – это «только Европа», что у граждан России должна быть чисто европейская, западная или прозападная культурная и цивилизационная идентичность. Россия и в географическом, и в культурном, и в геополитическом плане не может «втиснуться» в Европу, в Запад, она гораздо более сложна, многомерна, самобытна и оригинальна, чем «чистый Запад» или «чистый Восток». Тем более опасно и совершенно непродуктивно отождествлять Россию с нынешней Европой и нынешним Западом, находящихся в глубочайшем культурном, социальном и политическом кризисе.

Во-вторых, нужно соединять, а не разделять дореволюционный, советский и современный постсоветский периоды истории и культуры России. У каждого из этих периодов были свои взлеты и падения, великие достижения в культурном, социальном, научно-техническом, военном и политическом развитии. Ни в коем случае нельзя противопоставлять один период другому, рисовать тот или иной период истории России только черными красками, так как это прямо ведет к разрушению единой истории и культуры. Напротив, необходимо соединить, собрать воедино достижения и лучший опыт всех этих исторических периодов, показать их преемственность, обозначить единую, хотя и не линейную логику развития России, ее культуры, общества и государства. Без такого соединения невозможно выработать современную интегральную российскую идеологию, национальную идею и общенациональную стратегию развития.

В-третьих, необходимо активнее работать со здоровой частью современной российской молодежи, которую ни в коем случае нельзя потерять. В условиях современной жестокой борьбы за умы молодежи и информационной, психологической и пропагандистской войны, ведущейся против России, нормальную, способную творчески мыслить и действовать часть молодежи сохранить трудно, но необходимо. Для этого нужно учитывать особенности современной молодежи, специфику восприятия ею информации и знаний, давать отпор деградации образования, науки, интеллекта. Кроме того, важно учитывать потребность молодежи в поисках смысла и цели жизни, показывать, что без чувства принадлежности к своей семье, своей стране, своей истории и культуре жизнь отдельного человека бедна, бессодержательна и в конечном итоге лишена смысла. Иными словами, индивидуализм лишает человека подлинной индивидуальности и подлинной личности, которые формируются только в соотнесении себя с другими, путем восприятия и впитывания своей российской культуры, российской идентичности, чувства принадлежности к великой стране и к великому народу.

В-четвертых, одной из важных составляющих современной российской идеологии, способной интегрировать общество, может стать идея особой, во многом уникальной культурной и исторической миссии России в мире. **Эта особая миссия России состоит в сохранении живого культурного многообразия и самой России, и всего мира** в противовес насаждаемой западными «элитами» принудительной культурной, социальной и политической унификации, которая ведет к деградации общества и расчеловечиванию человека. Подобная деградация как результат принудительной унификации неизбежна и ведет в тупик, поскольку источником всякого культурного, политического и

социального развития является культурное и цивилизационное многообразие. Между тем именно Россия, благодаря своему уникальному историческому опыту и особому геополитическому положению между Западом и Востоком, между Европой и Азией, способна в современном мире отстоять и обеспечить многообразие и взаимодействие культур, религий, традиций, ценностей. В то же время другими составляющими современной российской идеологии могут стать **идея социальной справедливости**, защиты слабых и угнетенных людей и целых народов, а также **идея культурного и духовного развития человека как главной цели всего общественного развития** в противовес чисто материальному развитию и потребительскому обществу.

Наконец, в-пятых, как следует из циклов мирового развития, России и всему миру предстоит пережить критический и во многом решающий для будущего период 2020 – 2030 гг. [4]. Этот переходный период, в который мы уже вступили, будет насыщен внутренними и международными кризисами и конфликтами, «цветными революциями», переворотами, попытками разрушить многие страны (в том числе и, прежде всего, Россию) изнутри. К этим кризисам, конфликтам, попыткам дестабилизации и разрушения государства изнутри необходимо быть готовыми и ответственным государственным деятелям, и общественным патриотическим силам внутри самой России, и всем людям, деятелям культуры, образования и науки, которые понимают и чувствуют свою ответственность за судьбы Отечества, русской и российской культуры.

Список литературы:

1. Бердяев Н.А. Русская идея: Основные проблемы русской мысли XIX и начала XX в.; Судьба России. М.: Издательство В. Шевчук, 2000. – 540 с.
2. Данилевский Н.Я. Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германно-Романскому. СПб.: Изд-во С-Петербургского университета, Изд-во «Глаголь», 1995. – 552 с.
3. Кульпин Э.С. Путь России. М.: Московский лицей, 1995. – 200 с.
4. Пантин В.И., Лапкин В.В. Историческое прогнозирование в XXI веке: Циклы Кондратьева, эволюционные циклы и перспективы мирового развития. Дубна: Феникс+, 2014. – 456 с.

ЦЕННОСТНАЯ ВЕРТИКАЛЬ И ТРАДИЦИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ НАУКИ В СТРАТЕГИЧЕСКИХ ОРИЕНТИРАХ АКМЕОЛОГИИ НООСФЕРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Э.В. Баркова

Проект Ренессанса ценностно-гуманитарной составляющей русской и мировой культуры, образования и науки XXI века сегодня оказывается не просто одной из возможных альтернатив доминирующим в современных управленческих, экономических и философско-образовательных моделях установкам, но направлением, разрабатывающим движение мышления и деятельности на сохранение многомерности внутреннего мира человека. Главная цель формирования такого проекта – восстановление *роли категории «совершенствование человека»* в общественном сознании и в жизни культуры.

Но совершенствование субъекта, уже по определению, не есть просто трансформация, оно принципиально отличается от изменения информации в поле коммуникации или перехода с одной ступени на другую, – это всегда *движение вверх*, преодолевающее препятствия со стороны противоположного полюса – смыслового «низа», «падения» – прежде всего, нравственного, эстетического или общекультурного. Сегодня, думаю, это не абстрактно-научная, а самая главная, ключевая проблема, от решения которой непосредственно зависит потенциал сохранения Человека и его высоких идей как ценности культуры будущего, зависит способность мечтать, мыслить о прогрессе, стремиться к *высоким* идеалам и горизонтам Культуры. Иначе говоря, если не с решением, то при первом приближении с постановкой этой проблемы и ее возвращением в проблемное поле мышления ученых, педагогов, журналистов, специалистов в области медиакультуры, управленцев связано жизнеобеспечение и шире – сохранение планетарного бытия.

И едва ли сегодня могут возникнуть сомнения в том, что кроме России теоретически и практически сегодня, как и 75 лет назад, задачу такого масштаба не решит ни одна другая страна. Вот почему столь востребованной оказывается работа по формированию, разработке и обсуждению новых концепций, утверждающих *ценностную вертикаль в духовно-культурном мире человека*, России и ее науки, культуры как условия сохранения всего планетарного бытия человечества в целом. Действительно, В.И. Вернадский был прав, считая, что «незачем плестись в науке в хвосте Запада, когда мы можем идти впереди». [4, С. 262].

Методологией, на основе которой возможно и необходимо развертывание такой деятельности, является экофилософия и связанная с ней система ноосферного образования. [2]. Одна из основополагающих идей экофилософии –

признание универсальной эволюции, т.е. органического единства общих принципов и законов развития всех основных форм бытия. И поскольку все живое, здоровое тянется вверх, к Солнцу, то не случайно, начиная с самых ранних ступеней развития мировой цивилизации в культурах всех народов было выделено, оценено и сакрализировано это вертикальное направление развития в качестве необходимого. Движение вверх, поэтому, не сочиненный кем-то оригинальный аспект, а открытое в самом мире закономерное направление, проявления которого характеризуют как развитие всего находящегося в поле как био-, так и ноосферы. И это – условие всех, по мысли Ф.И. Тютчева,

Широкрых вдохновений
Орлиный, дерзостный полет –
И в самом буйстве дерзновений
Змеиной мудрости расчет. [17].

Вот почему необходимым становится исследование перехода этих общепризнанных суждений в практику таких реформ и культурной политики России, в которых актуализируется потенциал акмеологии ноосферного образования. Чем же определяется сегодня столь острая востребованность?

Дело в том, что современный мир, характерной тенденцией которого в течение последних десятилетий стало все ускоряющееся развитие информационно-коммуникативных технологий и многообразия рационально-инструментальных систем, все более стремительно детерминирующих все процессы общения и нормы поведения субъектов, вместе с тем показывает не менее стремительное *отставание человека*, т.е. разрыв между его субъектно-творческой природой и общей формой существования в процессах адаптации к современным условиям бытия. Сегодня в этот механизм, драматически сказывающийся на всей культуре и блокирующий развитие человека вверх, путь его самосовершенствования, как ни парадоксально, оказывается *встроенной и системой образования*, в которой все меньше востребованы выведенные на периферию внимания качества, способные развивать именно такие субъектные свойства. Более того, вместо них активно продвигаются проекты, например, формирования владения новыми платформами, компьютерными программами, развивающие лишь компетенции, обеспечивающие процессы не саморазвития и стремления человека к высокому, лучшему в себе и мире, а профессионально ориентированную адаптацию индивида к меняющейся среде.

В этих условиях одним из важных для освоения творческого потенциала и его развития в ориентирах образования, где процесс адаптации осмыслен не только как самооценность, а рассматривается в контексте самореализации и самоопределения личности, является *акмеология*. Акме, напомним, – это открытая

в античности категория, утверждающая наличие и *возможность достижения высшей* ступени человеческого развития. Но в большей части современных учебных пособий, и прежде всего, психологических, она интерпретируется иначе – как вид развития личности, в котором анализируются закономерности и технологии, обеспечивающие достижение *акме как высшей ступени развития*, возможной в каждой конкретной возрастной группе, и моделирующие основы *индивидуальной готовности субъекта к адаптации в наличной среде* [1].

Так, скажем, Е.А.Воюшина, исходит из того, что «акме» – это *«психическое состояние, обусловленное сочетанием процессов самопознания и самореализации, сопровождающих физическое, профессиональное и социальное становление человека, обеспечивающее его относительно стабильную успешность. ...Достижение человеком «акме» предполагает максимальный уровень состояния организма человека, когда он состоялся как гражданин, профессионал, семьянин.* Таким образом, «акме» представляет собой систему *смысложизненных* вершин, достигнутых человеком». [9, С. 65]. Однако критерием таких вершин социальной зрелости, согласно ее мысли, оказывается самореализация лишь в ее *индивидуальной* траектории, которую человек выстраивает, т.е. вне его общекультурной, а тем более, культурно-онтологической и социально-онтологической включенности в социальное пространство и проблемные поля бытия мира как целого. Вследствие этого уже само понятие «акмеология ноосферного образования» оказывается алогичным понятием, ибо не соответствует сложившимся научным представлениям о ноосферном образовании как *общей* форме трансляции знаний и ценностей в «разумной оболочке» Земли.

А один из известных теоретиков акмеологии А.А. Деркач подчеркивает, что развитие акмеологии как науки о ценности личности и ее совершенствовании определяется складывающейся сегодня социальной ситуацией в обществе, которая требует от человека способности «действовать в условиях высокой неопределенности, риска, способность мыслить и действовать, что возможно, только если человек достиг в своем развитии высшего уровня». [11]. Акмеология сегодня, таким образом, как правило, не включает в свое содержание процессы восхождения личности, ее инкультурации и социализации, ориентируясь лишь на развитие ее индивидуально-неповторимых черт.

Думаю, что такая личностно ориентированная модель акмеологии образования не может обеспечить «вертикаль» в развитии человека как субъекта своей Родины и шире – как субъекта сложной планетарной жизни, миссия которого не ограничена адаптацией, но направлена на совершенствование, непрерывное развитие самосознания и творческого преобразывания мира. [3].

Безусловно, оказываясь существенной как индекс развития личности, акмеология, думается, для современных задач творческого преображения мира

требует иного подхода и обоснования – *ноосферно-образовательного*, опирающегося на концепции философии русского космизма и ближайшим образом на идею ноосферы В.И. Вернадского.

Как известно, идея ноосферы В.И. Вернадского, как и все научные школы и модели ее современного развития, открывают планетарный смысл *развития научного разума в логике коэволюционного взаимодействия человека*, природы, общества и космоса. В силу этого ноосфера как разумная оболочка Земли, т.е. результат всего исторического развития человека и содержательность его научного разума оказывается органически связанной с развитием разумных оснований самого бытия, логики всех пластов жизни Вселенной, а не только эмпирически-наличных жизненных ситуаций человека [8]. Учение о ноосфере В.И. Вернадского раскрыло корни, фундаментальные основания единства космоса, биосферы и человечества, показав роль исторического развития человеческой цивилизации в эволюции биосферы в ноосферу: «Под влиянием мысли и человеческого труда биосфера переходит в новое состояние – в ноосферу». [5, С. 27].

Именно поэтому в экофилософии, формирующей представление об акмеологии ноосферного образования на основе концепции В.И. Вернадского, исключается абсолютизация иррациональных тенденций, характерных для современного общества. Напротив, Россия, Родина, родная Земля здесь мыслится как почва, среда, пространство жизни субъектов, связанных *ценностями высших достижений культуры*, ее науки, морали, искусства, ориентированных на сотрудничество как осознанное продолжение развития жизни и универсальной эволюции в целом. [12]. Ясно, что такая модель акмеологии оказывается выведенной за пределы индивидуализма и становится методологией концепции совершенствования человека на основе его укорененности в целостности антропо-культурно-социо-природном континууме бытия.

Идеи высокого начала в мире человека, высоких чувств и идеалов, включая направленность воспитания и образования на освоение высших достижений науки, оказываются путем к преодолению одностороннего понимания бытия, продвигаемого на основе развития техногенного проекта науки и технологий.

Это хорошо понимают многие представители современной науки и практики, включая структуры, которые, планируют формы развития элитарного образования, бережно сохраняя традиции и методики традиционного образования.

Так, принципы английского образования для детей из королевских семей, как и элитарных VIP-семей, отличается от современного, в целом общего для всех стран среднего образования, где многие дети с самого раннего возраста получают возможности общения на основе гаджетов и телефонов. Кроме того, что королевским детям с самого раннего возраста прививаются не только знания

высокой культуры, но и правила ценить труд других, и если кто – то из них поднимает голос на слуг или нянь, то они знают, что будут очень строго наказаны. Уборкой в комнате занимается сам ребёнок, но «дети имеют право на отдых, развлечения, просмотр кино и сериалов, но *не имеют доступа к гаджетам и смартфонам, так как родители считают, что в раннем возрасте это убивает фантазию и желание учиться*». [19]. Конечно, это не подготовка к жизни в изоляции от самых современных телефонов, но все это будет значительно позднее – только у взрослого ребенка, на всех ступенях школы это исключено. То же характерно для детей из семей российского истеблишмента, как и детей всех руководителей IT-компаний, где формируются установки на внутренне развитие и *совершенствование человека*.

Иначе говоря, вместе с информационно-горизонтальным, развернутым во времени образовательным процессом и приобретением на его основе знаний и компетенций здесь для того, чтобы человек оставался человеком при любом недостатке, высокой должности и в любой ситуации, с необходимостью должна быть выстроена и ценностная вертикаль. [12]. Под ценностной вертикалью мы понимаем измерение аксиологического пространства восхождения субъекта к высоким ценностям культуры, которое вместе с ростом его опыта становится вдохновляющей и возвышающей основой жизни, включая процессы приобретения и трансляции знаний, освоения их ценности и культурно-духовного потенциала. Знания, таким образом, становятся осмысленными в контексте мироотношения в целом, нравственно-экофилософской культуры, ответственности, творческой свободы человека.

В контексте целевых установок акмеологии ноосферного образования, субъектами, вследствие этого, становятся не только отдельные индивиды, но и большие группы людей – регионы, нации, страны, профессиональные и социальные группы и, наконец, человечество. Но главное в этой модели – артикуляция всегда возможного совершенствования, восхождения, *способности превзойти себя сегодняшнего*. А в этой логике актуализируются иные ориентиры в науке – не просто информация, количество ссылок, скачанных файлов, форм их трансформации, их увеличение на каждом этапе, а сохраняющий ценностную вертикаль в науке самостоятельный критический *отбор самых высоких достижений*.

Акмеологическая модель ноосферного образования в ее экофилософском измерении, где наука мыслится как часть жизни, направлена на преодоление крайней релятивизации и *абсолютизации горизонтально-информационного измерения*, а потому ее ориентиры направлены против идеализации роста статуса информационной составляющей процесса социализации. [20]. Для мысли, ограниченной в ее развитии горизонтально-информационным уровнем, нет

проблем различения добра и зла, красоты и безобразия, истины и заблуждения и лжи, утрачивается способность к различению высокого и низкого, важного в жизни, для жизни и не важного. Такие люди, по точным словам Ф.И. Тютчева,

не видят и не слышат,

Живут в сем мире, как впотьмах,

Для них и солнцы, знать, не дышат,

И жизни нет в морских волнах.

Лучи к ним в душу не сходили,

Весна в груди их не цвела,

При них леса не говорили

И ночь в звездах нема была!

И языками неземными,

Волнуя реки и леса,

В ночи не совещалась с ними

В беседе дружеской гроза!

Не их вина: пойми, коль может,

Органа жизнь глухонемой!

Души его, ах! не встревожит

И голос матери самой!.. [18].

Чертой такой личности становится сарказм или безразличие по отношению к вопросам, выходящим за границы его благополучия и успеха, а само стремление к истине и попытка ее открытия, как и опыт отстранения от лжи, приобретает смысл устаревшего предрассудка. В. Руднев передает эту позицию вполне определенно, утверждая: «то, что мы называем истиной, то, что мы ценим истину, считаем, что наука занята поисками истины, все это возникает из-за иллюзии линейности, сукцессивности времени... наука занимается именно построением новых теорий, а *истину не ищут, ее устанавливают такие люди, как Гитлер и Сталин*. Истина отвратительна, как руки брадобрея» [16, С. 5-6]. Но если нет истины, то действительностью становятся любые извращения, симуляции и фальсификации, ибо утрачивают смысл все ценности, на основе которых веками воспитывались дети, строились ценностные ориентиры в человеческих отношениях, формировались представления о должном и сущем, о настоящем и будущем.

Понятно, поэтому, почему в такой системе координат утрачивается и жизнеобеспечивающий смысл образования, которое, как видим сегодня, перестает быть «движением вверх», а оказывается незначительным элементом в трансформациях информационной Вселенной технологически-информационного социума.

В силу сказанного проясняется потенциал акмеологии ноосферного образования как пути-маяка, на котором возрождаются человековозвышающие ценности образования и науки. Путь к «акме», освоенный на основе экофилософии, органически связан с открытием и продвижением именно высших форм культуры. Конечно, важным элементом в освоении этого пространства оказывается включение в ценностную вертикаль образования и *исторической персонологии* – реальных биографий ученых всего мира, работа с их наследием, осознание с позиций XXI века масштаба всего, что ими сделано для науки, для всей жизни, включая направления и напряженность их поисков, трудности, ошибки.

Заметим, однако, что завышенные надежды, возлагаемые два десятилетия назад на перспективные контакты и взаимно уважительные, возвышающие научные связи с миром западной культуры и науки, оказались оправданными не в полной мере. При многообразии предложенных моделей гуманизма и концепций неогуманизма там нет сегодня разработанных универсально-обобщенных, опирающихся на *фундаментальные* науки акмеологически ориентированных экофилософских и философско-образовательных учений.

Поэтому разработка и детализация ценностной вертикали в современной науке, как это ни раз бывало в ситуациях экстремального времени, – связана с жизнесохраняющим *защитным потенциалом России*, ее способностью, несмотря на все идущие изнутри и извне деструкции, сохранять *свое «ядро»* – *пространство высокой науки и образования*, где человек оказывается защищенным от разрушающих его мир воздействий.

Поэтому все более отчетливо растет понимание того, что русская культура, культура современной России должна сама обратиться к своим великим традициям, и на их основе заново выстроить для себя и всего мира новую ценностную вертикаль, в том числе в пространстве науки. Восходящие к наследию, типу заинтересованности в развитии России и мировоззрению М.В. Ломоносова, многие научные традиции XVIII-XX веков активно формировали пространство такой акмеологически осмысленной «вертикали». Сегодня, однако, прошлое России, включая весь XX век, приобретает смысл исключительно актуального настоящего и будущего, а *высокие* традиции России становятся тем маяком-ориентиром, смысл которого еще предстоит заново переосмыслить.

О востребованности такого возвращения и переосмысления отчетливо свидетельствуют вдохновляющие идеи, направленность идей во многих научных направлениях, как и биографии гениальных, часто забываемых сегодня, выдающихся русских ученых, в приобщении к творчеству которых черпало и сегодня черпает вдохновение, энергию и стимул к новому подъему на вершины научной культуры не одно поколение исследователей. Однако многие из великих

идей и имен ученых России сегодня если и не забыты, то известны лишь фрагментарно или ассоциируются с отдельными понятиями.

Что, например, мы сегодня знаем и помним о непосредственных педагогах В.И. Вернадского, у которых он учился в Санкт-Петербургском университете? Между тем, качества, необходимые не только для ученого, исследователя-естествоиспытателя, мыслителя-методолога, но и гражданина России, который всегда на протяжении многих десятилетий делал все возможное для освоения ресурсов страны, развития ее науки, а потом и Академии Наук СССР, формировались целой плеядой выдающихся ученых.

«Петербургский университет того времени в физико-математическом факультете, на его естественном отделении, – вспоминал В.И. Вернадский, – был блестящим. Менделеев, Меншуткин, Бекетов, Докучаев, Фаминцын, М. Богданов, Вагнер, Сеченов, Овсянников, Костычев, Иностранцев, Воейков, Петрушевский, Бутлеров, Коновалов оставили глубокий след в истории естествознания в России. На лекциях многих из них – на первом курсе на лекциях Менделеева, Бекетова, Докучаева – открылся перед нами новый мир, и мы все бросились страстно и энергично в научную работу, к которой мы были так несистематично и неполно подготовлены прошлой жизнью». [7, С. 328-329].

Несомненно, одно из первых мест по роли во всей дальнейшей судьбе В.И. Вернадского занял Д.И. Менделеев. Сегодня, по-видимому, кроме узких специалистов и историков науки, мало кто представляет масштаб всего сделанного этим ученым-химиком. Большинство помнит: Менделеев – автор знакомой со школьных лет «Таблицы» – периодического закона, открывшего генетическую связь всех химических элементов на Земле и зависимость их свойств от атомного веса. Но Д.И. Менделеев был *великим* человеком и педагогом. Кроме того, что он был выдающимся естествоиспытателем, он прививал любовь студентам – среди которых был В.И. Вернадский – к точному знанию, к экспериментальной деятельности, новой химии. Он энергично звал молодежь к неизведанным дорогам в науке. «Его огромный интерес к вопросам экономического развития России, к изучению ее ресурсов оказал влияние на Вернадского». [13, С. 10].

Как вдохновленный своим педагогом ученик В.И. Вернадский с уважением и любовью вспоминал: «Д.И. Менделеев...больше, чем кто-нибудь другой, возбуждал в нас дух свободы и оппозиционного настроения. Ярко и красиво, образно и сильно рисовал он перед нами бесконечную область точного знания, его значение в жизни и в развитии человечества... На его лекциях мы, как бы освобождаясь от тисков, входили в новый мир, чудесный мир. Дмитрий Иванович поднимал нас и возбуждал глубочайшее стремление человеческой личности к знанию и к его активному приложению» [7, С. 104].

Почти забыт сегодня в России – если не говорить о специалистах-почвоведрах – другой великий русский ученый-естествоиспытатель В.В. Докучаев (1846-1903), вклад которого в становление философии космизма, научное обоснование идеи целостности и связи между живой и неживой природой сегодня трудно переоценить. Он – основоположник генетического почвоведения – впервые в мире показал роль растений и животных в процессах эволюции почвы Земли, которую рассматривал как особое естественноисторическое тело, развивая концепцию историзма в почвоведении, конкретно и доказательно связывая знания геологии, минералогии и исследования почвы.

В.В. Докучаев был удивительно целеустремленный человек, настойчивый, инициативный. Можно утверждать, что на ход всей последующей научной – и естественно-научной, и экофилософской работы в России он оказал значительное влияние. Под влиянием социальных идей 1860-х годов, он боролся за правду в науке, связывая развитие естественных наук с социальными, экономическими и нравственными интересами России, с ее общественными идеалами. И он, как и Д.И. Менделеев, мог убедительно и страстно передавать ученикам свою энергию и интерес к науке. Достаточно вспомнить, что уже на третьем курсе В.В. Докучаев привлек В.И. Вернадского к научной работе, в содержании которой позднее зарождались основы биогеохимии. Масштаб такой мощной личности и его научной деятельности, если вернуть его имя в систему образования, способен и сегодня вдохновлять и вести к своему научному и человеческому «акме» новые поколения.

Напомню еще ряд имен крупнейших русских ученых, только из числа тех, кто был непосредственным педагогом В.И. Вернадского. Это – А.Н. Бекетов, И.М. Сеченов, А.М. Бутлеров, И.И. Мечников, М.М. Ковалевский. В научных достижениях и общественной деятельности каждого из них разрабатывались идеи, достойные современных исследований не только в тех узких областях специальных знаний, которыми они занимались, но и нового экофилософского прочтения, в том числе для конкретизации содержания акмеологии ноосферного образования.

Достаточно напомнить, например, что выдающийся биолог-дарвинист А.Н. Бекетов (1825-1902), самостоятельно и независимо от Дарвина исследовал идеи эволюции, при этом он энергично боролся за идеи Дарвина, что не мешало ему выступать с критикой его ошибок. [13, С. 13]. Сегодня, думается, есть необходимость с позиций экофилософии не только перечитать его работу «Гармония в природе», но и ввести ее в учебные программы.

Есть основания прояснить и современный смысл, и масштаб атомистики А.М. Бутлерова, развивавшего мысль о единстве природы и делимости атома – новой для той эпохи идеи.

Исключительно важно, в силу сказанного, подчеркнуть, что сегодня именно содержание вертикальных коммуникаций в науке, образовании, философии и культуре, позволяющее по-новому увидеть масштаб многих подходов и концепций русской науки, становятся важным условием развития отечественной науки, вновь осознания ею своей планетарной миссии. Поэтому так важно *вернуть в систему образования* идею эволюции и прогресса научного, культурного философского поиска в контексте гуманизма. Как и В.И. Вернадскому, нам важно сохранить ученическо-уважительное отношение для того, чтобы сохранить свой статус в мировой науке.

Напомним, как В.И. Вернадский был озабочен необходимостью изучать и использовать ресурсы России самостоятельно. В 1911 году он сделал доклад об изучении руд радия в Академии наук, где сказал: «в мировом стремлении рано ли, поздно ли, будут изучены и радиевы руды Российской империи... Но *для нас не безразлично, кем они будут изучены!* Они должны быть исследованы нами, русскими учеными, во главе работы должны стать наши ученые учреждения... Между тем, Академия наук второй год добивается средств для начала этой работы» [10, С. 96].

В этой связи важно подчеркнуть: вертикальное измерение в науке формируется объективно, и потому оно может быть сохранено в контексте *доказанного наукой обоснования восходящего характера универсальной эволюции в целом*, как показал В.И. Вернадский, в изменении атомов, молекул, «живого вещества», организмов и *роста* разума как условия утверждения нового ноосферного этапа развития человечества. [6]. Сегодня, тем не менее, в этом контексте важно подчеркнуть: человек по своей природе, включая ее космическое измерение, – субъект творчески-эволюционирующий, всегда принципиально способный к самопревосхождению, совершенствованию. И задача всех наук – служить Делу жизни, но не гибели и удовлетворению амбициозных проектов отдельных индивидуальных или коллективных субъектов.

Не случайно, по-видимому, сегодня в философии России происходит новый поворот к философии реализма. Опережая доминирующие пока тенденции в мировой философии, один из крупнейших современных философов В.А. Лекторский подчеркивает: «Человек – не демиург Вселенной. Его сознание не создает реальный мир, а его мышление и язык не конструируют его. Человек живет в мире, принадлежит ему. Но он не чужой в нем. Он не является «космической плесенью». Появление человека меняет сам мир. Человек познает мир в формах своей деятельности и своими действиями творит новый уровень реальности». [14, С. 25].

В силу сказанного проясняются те экофилософские задачи восстановления в науке и системе образования их вертикального измерения, которое формирует не

только условия для новой модели акмеологии, но и показывает путь к современным направлениям служения высоким идеалам науки и жизни, важным для сохранения и совершенствования мира человека и пространства ноосферы.

Список литературы:

1. Акмеология. Учебник. / Под общей редакцией доктора психологических наук, профессора, академика РАО А.А. Деркача. – Москва: Изд-во РАГС. 2004. – 299 с.

2. Баркова Э.В. Гуманитарное мышление в экофилософских ориентирах самоидентификации субъекта современного мира // Право и практика. 2018. № 1. С. 248-255.

3. Баркова Э.В. Ренессанс социально-гуманитарного знания: целеполагающие стратегии и экорациональный смысл // Социально-гуманитарное познание: методологические и содержательные параллели. Агарин Е.В., Баркова Э.В., Богомоллов А.В., Грехов А.В., Давыдов и др. – М.: 2019. С. 228-244.

4. Вернадский В.И. Избр соч. Т IV, кн.1 – М.: Изд-во АН СССР, 1959, С. 262 / Цит по: Козиков И.А. Философские воззрения Вернадского. – М.МГУ, 1963. – 78 с.

5. Вернадский В.И. Несколько слов о ноосфере // Вернадский В. И. Научная мысль как планетное явление. М.: Наука, 1991. – С. 235—244.

6. Вернадский В.И. Очерки и речи – Пг, 1922 С. 104 // <http://www.vvasilyev.ru/Kulturof/Vernadski/Povorot.htm>.

7. Вернадский В.И. Труды по истории науки в России. – М.: Наука. 1988. – 464 с.

8. Вернадский В.И. Философские мысли натуралиста. – М.:Наука, 1988 г. – С.27

9. Воюшина Е.А. О соотношении понятий «самореализация», «самоактуализация» и «акме» // Общество: социология, психология, педагогика. 2016. №10. С. 62-65.

10. Гумилевский Л. И. В.И. Вернадский / Серия ЖЗЛ. 2-е изд. – М.: Молодая гвардия. 1967. – 256 с.

11. Деркач А.А. Современные задачи акмеологии как метанауки и метапрактики // http://www.goskadri.ru/index.php?article_id=21&pid=19

12. Киндзерская М.А., Мармазова Т.И. Влияние природных факторов на становление национального характера русского народа // Материалы Всероссийской (Национальной) с международным участием научно-практической конференции (г.Чебоксары, 23-24 января 2020 г.). – Чебоксары: ЧГСХА, 2020. – С. 231-234.

13. Козиков И.А. Философские воззрения Вернадского (к столетию со дня рождения). – М.: МГУ, 1963. – 78 с.

14. Лекторский В.А Реализм как философско-методологическая стратегия исследования познания // Перспективы реализма в современной философии . – М.: Канон+ РООИ «Реабилитация». – 2017. – 464 с.
15. Мармазова Т.И. Философско-политический анализ функций политики сквозь призму цивилизационного дискурса // Право и практика. 2020. – No 1. С. 183-184.
16. Руднев В. Против истины. – М.-СПб.: Добросвет. Центр гуманитарных инициатив. – 2017. – 208 с.
17. Тютчев Ф.И. Наполеон // <https://ruthenia.ru/tiutcheviana/stihi/bp/155.html>
18. Тютчев Ф.И. Не то, что мните вы, природа // <https://rustih.ru/fedor-tyutchev-ne-to-chno-mnite-vy-priroda/>
19. Чем образование королевских детей отличается от образования обычных школьников // <https://zen.yandex.ru/media/id/5d5efe3806cc4600ae1a3e84/chem-obrazovanie-korolevskih-detei-otlichaetsia-ot-obrazovaniia>
20. Шпитцер Манфред Антимозг. Цифровые технологии и мозг. – М.: АСТ, 2013. – 288с.

МЕТАТЕКСТ КАК МЕТАИДЕОЛОГИЯ
ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ
В СОВРЕМЕННОМ ПОЛИЦЕНТРИЧНОМ МИРЕ
М. Г. Пересторонина

Россия – это страна, государственность которой носит синтетический характер. Слияние различных культур в одном этносе привело к тому, что свою историческую миссию он осознал в качестве посредника между Востоком и Западом, предотвращающего прямое цивилизационное столкновение ментально противоположных культур [13].

Распад СССР привел к окончанию эпохи биполярного мира и разворачиванию сценария «Рах Americana» (1991-2008), кризис которого пришелся на администрацию Б. Обамы (2009-2017). Последовавшая трансформация системы международных отношений ознаменовала начало перехода к полицентричному миру с появлением как на глобальном, так и

региональном уровнях других центров силы, которые сегодня выступают в качестве функциональных точек роста [2].

Однако за двадцать лет идеология «Рах Americana» положила начало «размытию» российской идентичности, которое продолжается и по сей день, так как в массовом сознании по-прежнему «ощущается США» мировым гегемоном, несмотря на вхождение в геополитический словарь терминологии «пост»: постбиполярный мир, постзападная эра, постгегемон [6]. Эта разобщенность во внутреннем самоопределении российского суперэтноса произошла из-за утраты национальной идеи как ядра культуры с её традициями и иррациональными мотивами в коллективном поведении [15].

Сегодня отсутствие в сознании российского суперэтноса рабочей метафизической идеи о собственном цивилизационном пути является серьёзной проблемой, так как в условиях глобальной полиэкранной культуры красноречиво предлагаются не только ценности чуждые нашей ментальности, но и мессианские пути развития как собственной жизни, так и общества в целом.

Целью данной статьи является рассуждение о самой возможности создания метатекста как метаидеологии или «постмифа-сказки» с заложенной в него современной мессианской идеей в качестве проекта цивилизационного развития России, удовлетворяющего основным положениям как моно-, би-, многополярного, так и полицентричного мира.

Метатекст – это вторичный текст или «высказывание о высказывании», что создается по поводу прототекста как авторский комментарий или реакция на него других лиц. В зависимости от цели создания он выполняет различные функции: как доступное изложение идеи основного текста; как детальное раскрытие различных уровней прототекста; как интерпретация или «перевод» на современный язык с целью упрощения понимания [12, с. 57-62].

Понятие «*метаидеология*» встречается на страницах политологических учебников и понимается как идеология высшего порядка, в рамках которой дискутируются частные идеологические проблемы [9, с. 53]. Следовательно, она претендует на универсализм и обращение к общечеловеческим ценностям, нацеленных в условиях глобализации на формирование «планетарного сознания», выраженного различными гуманистическими концепциями – от эволюционистских, например, Дж. Хаксли, М. Шмидта-Саломона, Р. Докинза [8; 17]) до трансгуманистических [11].

Исходя из этого, *метаидеологию* возможно определить как идеологию над идеологией, которая исключает государственное доминирование в разработке системы общественно-индивидуальных ценностей и проектов геополитического развития, а её базовые положения настолько понятны большинству населения, что их самоочевидность вызывает чувство внутреннего отклика. То есть это некая

«метаидеологическая матрица» [9, с. 48], которая, опираясь на исторически сложившиеся ценности и традиции общества, позволяет каждому гражданину осознавать//принимать–спорить// свою историческую миссию в условиях современных глобалистских процессов.

Так, например, в Китае Конфуций, начиная от 136 г. до н.э., стал «Учителем и Образцом для десяти тысяч поколений» [7, с. 137] и остается таковым до сих пор. И если с учётом ускорения НТП за смену поколения взять 7,5 лет против нынешних 20, то к девятому тысячелетию н.э. Китай перешагнет рубеж 1000-го поколения, в котором каждый человек будет решать вопрос о своей принадлежности к культуре одним и тем же образом. В индийской традиции эта принадлежность до сих пор осуществляется через варновую систему, посредством которой каждый осознаёт//получает–принимает// свою роль и значение в общественном универсуме.

Эти работающие традиционные метаидеологические матрицы Востока основаны на чувстве идентификации: во-первых, индивидуальной за счёт добровольного отождествления человека с некой общностью, чьи цели и ценности становятся личными, и, во-вторых, групповой за счёт внешних самоограничений культуры, присоединение к которой возможно лишь по праву рождения (Индия) или культурной ассимиляции (Китай).

В западной традиции исторически сложились метаидеологические матрицы по принципу антитезы, которые полностью проявили себя в сценариях: у США – «Рах Americana», а у Европы – «колыбель культуры», что даёт ценностные ориентиры для всего мира и реализует диалог между Востоком и Западом, Югом и Севером [14, с. 71].

Метаидеологии России («Москва – третий Рим»; «Православие, Самодержавие, Народность») характеризуют её как синкретическую цивилизацию, в которой восточное самоограничение культуры стремится к имперским амбициям Запада.

Сегодня Запад не просто формулирует новую метаидеологию (напр., «Америка прежде всего»), но прежде всего ищет метафизическую идею, которая бы дала культуре очередной импульс к развитию как переход к следующей идеациональной стадии [16], в то время как на Востоке происходит очередное обновление традиционных ценностей с учётом глобалистского сопряжения культур. Следовательно, Россия как цивилизация междумирья должна стремиться предвосхитить эти интеллектуально-духовные поиски и постараться создать в качестве метаидеологии новый *метатекст* как некую *глобальную нарративную метаисторию*, в которой сольются восточные и западные ценности культуры, социально-политические устремления и метафизические вызовы.

Исходя из общепринятого положения о том, что современная культура Запада находится в стадии полярной смены культурных ценностей – чувственных на противоположные идеациональные [16; 15], – то и *метаидеология* должна выстраиваться с учетом этих изменений. Эти социологические прогнозы имеют под собой серьезное естественнонаучное обоснование, так как опираются на эволюционные формы мышления, запрограммированные на логику бинарных оппозиций [1].

Учитывая эту эволюционную фазу, метатекст должен *представлять собой культурную парадигму*, в которой, во-первых, осуществился бы перенос с деяний исторического героя (Моисей, Гомер, Будда, Конфуций, Христос) на *цивилизацию культурного героя*, исполняющего своё предназначение.

Во-вторых, метаидеология должна включать в себя весь культурно-исторический контекст «цивилизационной героики» и уходить от горизонтального столкновения интересов с другими цивилизациями (Шпенглер, Тойнби, Хантингтон), задавая таким образом некое пространство нового мифа – «*постмифа-сказки*» – с открытым кодом ко всем парадигмальным метафорам и образцам поведения (напр., трактовка жертвоприношений в книге Левит через призму современных трансгуманистических проектов формирования новой телесности на основе эволюционной концепции Дарвина).

В-третьих, протекстами должны послужить все базовые цивилизационные истории, нарративное переложение которых в рамках единой концепции освоения мира, позволит выявить большую идею, которая отзовется в массовом сознании и даст толчок для коллективного творчества и энергии.

В-четвертых, базовый сюжет этого «постмифа-сказки» должен быть одновременно и автономным, и включенным в целое: исторически Запад противостоит Востоку, а как Восток? Исторически Европа присвоила себе миссию трансляции ценностных ориентиров для всего мира, но кто ещё разделяет с ней эту идею? Россия – посредник между Востоком и Западом, но кто ещё думает так? И так далее. Следовательно, метатекст аксиоматически должен исключать конфликт с любыми иными социальными общностями – от нации до цивилизации.

В-пятых, мессианская идея должна быть простой и лежать за горизонтом событий, т. е. футуристичной, но не фантастичной; а также иметь опережающий характер развития нарративной истории, снимающей в себе социальные, политические, экономические и прочие противоречия.

Кто должен быть инициатором нового метатекста?

Философы, поскольку «априорная миссия философии состоит в установлении соотношения вещей и их причин» [18, с. 5], а «эпоха «перезаформирования» нуждается в философии, обобщающей социальный опыт»

[9, с. 35]. Однако, «поверхностная философия склоняет ум человека к безбожию, глубины же философии обращают умы людей к религии» [3, с. 23]. *Следовательно, философ должен работать в одной команде с теистом.*

На сегодня все метатексты написаны в рамках теистического мировоззрения – от мифов Древнего мира до легенд Вед, от Библии до Корана – и имеют нарративные переключки друг с другом. Новозаветная история как последний теистический метатекст западной цивилизации сегодня утрачивает свои идеологические позиции, уступая место научному познанию мира и натуралистическому мировоззрению, которому сегодня в массовом сознании «выписан» кредит доверия. *Следовательно, теизм должен установить диалог с натурализмом – наследником атеизма – и тем самым расширить команду до трёх.*

В этом диалоге должно произойти снятие мировоззренческих противоречий за счет выработки единого языка науки, религии и философии, который посредством различных творческих практик станет естественным языком. То есть как когда-то мифы породили культуру [10; 4; 19], так теперь культурам в условиях глобального мира требуется породить новый миф – «постмиф-сказку», который бы сумел концептуально объяснить все разнообразие современной жизни и дать начало новой культурной парадигме.

Россия как один из топосов мирового уровня является тем местом, где цивилизационный метатекст фрагментарно представлен в фольклоре (сказки, пословицы, былины), а самостоятельная философская мысль – её проявление в мировом масштабе – была зафиксирована лишь в XIX веке. И мысль эта успела «произвести» только лишь первое отличие себя от другого через теорию независимых культурно-исторических типов (Данилевский), а также идею соборности прежде, чем «утонула» в перипетиях XX века. Следовательно, у России как цивилизации ещё не произошло полного раскрытия культурного потенциала и осознания собственной мессианской идеи. Таким образом, она до сих пор сохраняет возможность создания своего метатекста как основы геокультуры в очередном социокультурном цикле её развития.

Список литературы:

1. Александров, Ю. Мозг – психика – культура с позиций системно-эволюционного подхода // <https://youtu.be/UZz2m1IfUk4>.
2. Алексеенко, О.А. Перспективы России в полицентричной системе международных отношений // <https://cyberleninka.ru/article/n/perspektivy-rossii-v-politsentrichnoy-sisteme-mezhdunarodnyh-otnosheniy>.
3. Бекон, Ф. Опыты, или Наставления нравственные и политические. М.: Мысль, 1978. – 123 с.

4. Джейнс Дж. Сознание и голоса разума // Royallib.com. URL: https://royallib.com/book/dgeyns_dgulian/soznanie_i_golosa_razuma.html .
5. Дугин, А.Г. Консервативная парадигма и критика теории прогресса в социологии Питирима Сорокина: Актуальность для современной России / //Вестник Московского университета. Сер. 18. Социология и политология. – 2010.-№ 1 -С. 22 – 28.
6. Коновалова Н.А. Внешняя политика России в рамках современной международной системы // <https://cyberleninka.ru/article/n/vneshnyaya-politika-rossii-v-ramkah-sovremennoy-mezhdunarodnoy-sistemy>.
7. Конончук, Д.В. Конфуцианская культурная парадигма // <https://cyberleninka.ru/article/n/konfutsianskaya-kulturnaya-paradigma>.
8. Коростиченко, Е.И. Эволюционный гуманизм и религия в интерпретации Михаэля Шмидта-Саломона // <https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsionnyy-gumanizm-i-religiya-v-interpretatsii-mihaelya-shmidta-salomona>.
9. Красин, Ю.А. Идеологический плюрализм и метаидеология нового гуманизма // <https://cyberleninka.ru/article/n/ideologicheskii-plyuralizm-i-metaideologiya-novogo-gumanizma>.
10. Лосев, А.Ф. Диалектика мифа // <http://psylib.org.ua/books/losew03/>.
11. Луков, В.А. Трансгуманизм // <https://cyberleninka.ru/article/n/transgumanizm>.
12. Остапенко Д.И. Функциональная и структурная характеристика метатекста (на материале переводческих предисловий и примечаний): Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Остапенко Дарья Игоревна – ВГУ, Воронеж, 2014. – 246 с.
13. Пантин, В.И. Качели кризиса. Прогноз // <https://www.youtube.com/watch?v=J2Xdw4DW9Pw>.
14. Рубинский, Д.О. Образ России в политике европейской идентичности «Еврооптимистов» // <https://cyberleninka.ru/article/n/evropeyskaya-tsivilizatsiya-na-poroge-tretiego-tysyacheletiya>.
15. Савин, Л. Многополярность и полицентризм // <https://www.geopolitica.ru/article/mnogopolyarnost-i-policentrizm>.
16. Сорокин, П.А. Человек. Цивилизация. Общество / Сорокин Питирим Александрович; Sorokin Pitirim A.; Пер. с англ. — М.: Политиздат, 1992
17. Трофимова, З.П. Эволюционизм и религия в творчестве английского философа Джулиана Хаксли // [http://kasyu.asu.edu.ru/files/4\(49\)/211-218.pdf](http://kasyu.asu.edu.ru/files/4(49)/211-218.pdf).
18. Холл М. П. Энциклопедическое изложение масонской, герметической, каббалистической и розенкрейцеровской символической философии. В 2 томах: Интерпретация Секретных учений, скрытых за ритуалами и мистериями всех

времен / пер. с англ. В. В. Целищева. — 3-е, испр. — Новосибирск: «Наука», Сибирская издательская фирма РАН; М.: «КСП», 1997. — 794 с.

19. Ясперс К. Смысл и назначение истории. //

https://royallib.com/book/yaspers_karl/smisl_i_naznachenie_istorii_sbornik.html .

ВИЗАНТИЗМ КАК ПРОЕКТ ПОСТРОЕНИЯ ПРАВОСЛАВНОЙ ИМПЕРИИ

М.В. Бейлин, Л.М. Газнюк

Ведущая роль Русской православной церкви в формировании, утверждении и эволюции идеологемы «Москва – Третий Рим» и многочисленные попытки научного и богословского осмысления этой идеологемы, её роли в формировании государственной и церковной политики на разных этапах развития российской истории требуют комплексного философско-религиоведческого исследования, в частности, в контексте разработки теоретической диахронной модели взаимоотношений государства и православной церкви в России.

Цель статьи заключается в выполнении философско-религиоведческого анализа идеологемы «Москва – Третий Рим» путём выявления её богословской и идеологической сущности, определения особенностей её рефлексии на разных этапах развития российской религиозно-философской мысли и её воплощения в современном концепте Русской православной церкви «Русский мир». Ставится задача осуществить анализ философских и богословских интерпретаций идеологемы «Москва – Третий Рим» и выяснить её влияние на взаимоотношения между государством, церковью и обществом в контексте самодержавной модели управления.

Идея о Москве как «Третьем Риме» является идеологемой, поскольку на современном этапе своего функционирования она предстаёт особенным многоуровневым концептом, структура которого актуализирует идеологически маркированные концептуальные признаки, объединяющие в себе коллективное, стереотипическое, мифологизированное представление о власти, нации, государстве, политических и идеологических институтах. Данная идеологема является синтезом богословских идей христианской эсхатологии и иудейского мессианизма; в иудейской традиции «мессия» может проявляться как личность и как народ, а идеологема «Москва – Третий Рим» на разных этапах своего функционирования как объединяла, так и разделяла эти проявления. Личностным

воплощением мессии выступает царь, ответственный за судьбу богоизбранного царства и верующих. Христианское царство удерживает мир от прихода Антихриста и Апокалипсиса. Мотив ответственности царя за чистоту православной веры и судьбу последнего православного царства является основной интенцией возникновения идеологемы (Послание Филофея); впоследствии функции сохранения чистоты веры переносятся от царя к избранному народу, мессианской роли православного народа.

В работах К. Н. Леонтьева был введён новый термин «византизм», понимаемый как самодержавный строй государства, органично дополненный в религиозной сфере христианством, отличным от католицизма и ересей [10, с. 502]. Философ был уверен в превосходстве религиозного фактора над национальным. Это существенно выделяло его взгляды на фоне многих исследователей второй половины XIX в., которые находились в плену идей панславянского единства. По мнению К. Леонтьева, между славянами существуют существенные религиозные различия, поэтому следует забыть о славянском единстве и перейти к воплощению идеи православной империи. Историческая миссия России заключается в том, чтобы создать новую славянско-азиатскую цивилизацию, в основе которой будет православная вера. Именно утверждение православной веры среди славян позволит спасти их от разрушительного воздействия либеральной Европы. Постепенно, в пределах империи, должны быть объединены все центры восточного христианства. Таким образом, проект строительства православной империи, предложенный К. Леонтьевым, способствовал актуализации геополитического аспекта идеологемы «Москва – Третий Рим».

Идея построения православной империи развивается и в философии В. С. Соловьёва. Его взгляды на идеологему «Москва – Третий Рим» претерпели значительную эволюцию. Образ «Третьего Рима» анализируется философом сначала при исследовании проблемы раскола в русской православной церкви середины XVII в., позднее – при рассмотрении «византийского наследия» во взаимоотношениях власти и церкви Российской империи. В. С. Соловьёв переосмыслил теократические идеалы славянофилов, отрицал византийско-московское православие и начал разработку идеи мирового теократического государства. В работе «Большой спор и христианская политика» указано, что «... главное противостояние происходит не между христианством и исламом, не между славянами и турками, а между европейским Западом, преимущественно католическим, и православной Россией ... Поэтому, наш «восточный вопрос» является противостоянием первого, западного Рима со вторым, восточным Римом, политическое представительство которого ещё с XV в. принял третий Рим – Россия» [12, с. 59, 71-72]. Чтобы преодолеть эти противоречия, должно было быть

создано мировое теократическое государство, где нравственная власть принадлежит Церкви, а политическая – царю. Для В. С. Соловьёва важна была возможность будущего воплощения идеологемы, а не изучение источников её формирования: «Дело России – показать, что она действительно Третий Рим, который не исключает первого, а объединяет два предыдущих» [12, с. 74].

Сначала, по мнению В. С. Соловьёва, Россия будет двигаться путём Византийской империи, позаимствовав «чувство политической и национальной гордости, с которым когда-то греки смотрели на древний Рим, упавший в варварство – такое же чувство справедливо должно было возникнуть в Московской Руси после того, как она преодолела того же могучего врага, под игом которого упала Византия» [12, с. 125-126]. Приблизив Россию к Западу, реформы Петра I нивелировали это чувство и создали проблему в отношениях государства с церковью. «Церковь перестала быть живым телом, она постепенно умирает ... Вместо духовного авторитета в церкви царит бюрократия, которая санкционирует насилие в делах веры, когда людей, отошедших от господствующей церкви, подвергают пыткам ... национальная русская церковь лишена Духа истины и любви, а потому не может быть истинной церковью Божьей» [13, с. 348]. Церковь, подчиненная государству, приобретает черты национального эгоизма, поэтому теряет вселенское значение. Первый Рим пал через отграничение от православия, а второй – из-за несоответствия идеологии христианского царства и жизненной практики. Спасти Россию может симфония между государством и церковью. Итак, В. С. Соловьёв провозгласил, что задача «Третьего Рима» заключается не в завоевании всего мира, а в том, чтобы принести ему пользу [14, с. 576-579]. Апелляция к ненасильственным методам обеспечения общественного прогресса, как оправдание существования России, существенно отличает рефлексию идеологемы «Москва – Третий Рим» В. С. Соловьёвым от империалистического подхода Н. А. Бердяева.

Поняв невозможность построения теократического государства, В. С. Соловьёв относил создание единой вселенской церкви к последним временам истории человечества. В работе «Три разговора» он высказал мнение о том, что победить Антихриста возможно только путём объединения всех ветвей христианства, а это свидетельствует об отходе от представления о «Третьем Риме» как последнем царстве. Антихрист возникает у В. С. Соловьёва как император, который на практике реализует идею мировой империи и подвигает христиан к единению. По мнению В. К. Кантора, В. С. Соловьёв отрицал возможность реализации идеологемы «Москва – Третий Рим» как в варианте славянофилов, так и как попытку воплощения её в виде мировой теократии [6, с. 396]. Н. Ф. Федоров писал, что «Третий Рим» – это представление христианства (Церкви и Государства) в конкретном размере, не столько о настоящем, сколько

идеальном или проектном, если мы не ограничимся созерцанием и не будем только восхищаться величием мысли или идеи» [17, с. 375]. Главная задача «Третьего Рима» – через восстановление единства и родства между народами создать условия для воскрешения умерших, а для этого должна произойти эволюция от города к селу, от кочевнического скотоводства к земледелию. Россия станет Римом только тогда, когда признает себя вечным государством [3, с. 91].

Значительным вкладом в исследование идеологемы «Москва – Третий Рим» явилась работа И. А. Кириллова «Третий Рим. Очерк исторического развития идеи русского мессианизма». Ученый полагал, что объединение русских земель вокруг Москвы в XV в. создало условия для возникновения и реализации новой политической идеи – теории «Третьего Рима», которая воплощает мысль о величии, могуществе и богоизбранности Московского царства [9, с. 2]. Идеологема «Москва – Третий Рим» имеет религиозно-мистическую почву и синтезирует две идеи, которые можно считать провиденциальными: богоизбранности народов и наследственности царств [9, с. 9-10]. И. А. Кириллов доказывал, что идея вечного мессианского царства пришла на Русь после принятия христианства и эволюционировала в соответствии с местными потребностями. В Московском государстве не было разграничения политических и религиозных идей. Этим обусловлено отображение мессианских устремлений в официальных документах и литературе, содержащих основательно разработанную государственную идеологию. Во многих литературных памятниках утверждена идея богоизбранности Москвы и переноса на неё задач Византийской империи («Легенда о белом клобуке», «Сказание о князьях Владимирских», «Рассказ о Вавилонском царстве»): «Трудно предположить, чтобы на Руси была собственная, местного происхождения легенда или рассказ, на почве которой развивалась бы идея «Москвы – Третьего Рима», ведь в таком случае не было бы идеи о наследовании прав Византии. Подобная идея должна появиться после падения Константинополя» [9, с. 22]. Таким образом, указывается на процесс усвоения при посредничестве греческих идей. Церковный раскол середины XVII в. доказывает представленность этой идеологемы в русском общественном сознании. В то время идея «Третьего Рима» непосредственно разделялась народом и наблюдалась в произведениях защитников старой веры. И. А. Кириллов попытался свести к идеологеме «Москва – Третий Рим» все мессианские идеи второй половины XIX в., в частности славянофилов, Ф. М. Достоевского и В. С. Соловьёва. Защитники старой веры, по его мнению, использовали образ «Третьего Рима» в этнографическом, а не религиозно-мистическом смысле. Они стремились вернуть в XIX век быт и обычаи Московского царства, а не выполнить мессианское призвание [9, с. 53-54]. Русский мессианизм у Ф. М. Достоевского приобретает универсальный характер,

появляется образ народа-богоносца, который берёт на себя ответственность за судьбы мира. Таким образом, идеи писателя служат мостиком между национализмом славянофилов и универсальной теократией В. Соловьёва, чьим главным достижением, по мнению И. А. Кириллова, является возвращение к религиозно-мистическому содержанию русского мессианизма, требующему практической реализации [9, с. 97].

Флорентийская уния и падение Константинополя подтолкнули русских книжников к более активной работе, и объективным основанием для этого стало растущее могущество Московского княжества. В синтезе с болгаро-сербскими идеями эта кропотливая работа дала законченную форму и надлежащее содержание [20, с. 160]. В работе «Курс русской истории» Е. Ф. Шмурло показал, каким образом на основе достижений дореволюционной историографии можно описать процесс формирования, развития и трансформации идеологемы «Москва – Третий Рим» в контексте формирования централизованной российской государственности [19, с. 152-168]. Работа не потеряла актуальности благодаря логическому построению, простоте и чёткости изложения материала, использованию большого количества источников.

В 1936 году была опубликована статья Н. Н. Зернова "Москва – Третий Рим", в которой он утверждал, что идея «Москва – Третий Рим» наиболее отчётливо характеризует русское православие. На ней выросли поколения православных христиан, на ней построено Московское царство, в ней искали своё вдохновение старообрядцы, она до сих пор имеет глубокое, хотя и не всегда осознаваемое влияние на русский народ. Эта идея была малоисследованной по причине нелюбви либералов к византийскому наследию, а официального богословия – к староверам [5, с. 4]. Зернов считал, что появление идеи «Москва – Третий Рим» было инспирировано падением Византии и зиждется на вере духовенства в единство православной церкви и империи. Однако утверждение этой идеи – результат победы «иосифлян» над «нестяжателями». Так, первые провозгласили неограниченность власти царя и считали русское православие единственным истинным вариантом христианства [5, с. 10]. Именно их трактовка христианства привела к преобладанию обрядности, борьба за сохранение которой стало причиной раскола XVII в.

Идея «Москва – Третий Рим» породила в обществе три течения подражания: староверов, славянофилов и Оптинских старцев, а также народников и большевиков [5, с. 15-16]. Мысль о связи между идеологемой «Москва – Третий Рим» и старообрядчеством развита в работах А. В. Карташёва, Г. В. Флоровского и Н. А. Бердяева. Н. Н. Зернов верил в возможность реализации идеологемы в будущем. Для этого нужно создать такую модель взаимоотношений, при которой

христианские ценности не будут нуждаться в сильной власти и её использовании для их утверждения.

Достаточно сложная трактовка идеи «Третьего Рима» содержится в работе Г. В. Флоровского «Пути русского богословия». Он рассматривал историю русской церкви в её связи с традициями Византийской империи. «Русь приняла крещение от Византии. И это сразу определило её историческую судьбу, её культурно-исторический путь» [18, с. 16]. Новое возрождение культуры и религиозной жизни в Византии XIV в., при посредничестве южных славян, повлияло на Московское княжество. В отношениях между Москвой и Константинополем возник кризис, связанный с ростом могущества Московского государства, пробуждением национального и политического самосознания, а также стремлением к церковной самостоятельности. Решающим моментом во взаимоотношениях между Великим князем и византийским императором стала Флорентийская уния, заключение которой позволило Москве провозгласить независимость русской церкви, обвинив Константинополь в измене православной вере. Падение Константинополя лишь подтвердило правильность такого шага.

Тема «Третьего Рима» развита в работах А. В. Карташёва, который отождествлял «Третий Рим» со «Святой Русью». В работе «Воссоздание Святой Руси» на примере истории русской православной церкви он показал эволюцию представлений о построении царства Божьего на земле – «Святой Руси», которая «оправдала свою претензию на деле. Она взяла на себя героическую ответственность защитницы православия во всем мире, стала в своих глазах мировой нацией ... ибо Московская держава стала вдруг последней носительницей ... Царства Христова в истории – Римом третьим, а четвертому Риму уже не бывать. ... Когда ... святая София превратилась в мечеть, а вселенский патриарх в раба султана, тогда мистическим центром мира стала Москва ... Тема Третьего Рима становится официальной государственной идеологией ... Народ, который дерзнул, ещё окончательно не сбросив с себя иго Орды, уже вместить духовное бремя и всемирную перспективу Рима, тем самым показал себя способным на величие» [7, с. 29, 36-40].

Идеал «Святой Руси» не удалось воплотить на практике из-за слабости развития культурных институтов (их развитие обеспечили только реформы Петра I, разрушившие симфонию между государством и церковью). Главным событием, которое обеспечило поражение идеологемы «Москва – Третий Рим», стала политика царя Алексея Михайловича Романова, завершившаяся расколом русского православия, который одновременно стал расколом национального сознания народа. Проблема заключалась в том, что идея «Третьего Рима» как идея русской эсхатологической избранности сочетается с восприятием русским христианством материальности воплощения Бога в мире. Поэтому, когда,

реформируя церковные книги, Никон начал вводить греческие образцы, широкие общественные слои восприняли это как попытку поставить под сомнение чистоту самой веры русского православия, а соответственно и претензии быть «Третьим Римом». Таким образом, царская политика сближения с другими православными для взятия их под опеку натолкнулась на эсхатологические представления национального самосознания. В этом, по мнению А. В. Карташёва, заключалась невозможность преодоления раскола путём устранения патриарха Никона. Такое вмешательство власти в дела церкви окончательно сделало невозможной симфонию светской и религиозной власти, а раскол разрушил претензии Москвы считать себя последним православным царством.

В работе «Очерки по истории русской церкви» А. В. Карташёв обращается к мнению Зернова об идеологеме «Москва – Третий Рим» как результате противостояния «иосифлян» и «заволжцев». Филофей, по его мнению, – последователь «иосифлян». Идея «Москва – Третий Рим» завершила иосифлянскую историографию, и «надо признать творческое наследие великого опыта сублимации московско-имперского идеала как творческой формы и оболочки самой высокой в христианской (а потому и всемирной) истории путеводной звезды – Третьего и последнего Рима» [8, с. 413-415].

Н. А. Бердяев в работе «Истоки и смысл русского коммунизма», делая подробный анализ проблемы «Третьего Рима», отмечал существование взаимосвязи между мессианскими идеями «Москвы – Третьего Рима» и политическими идеалами большевиков. «И вот состоялась удивительное в судьбе русского народа событие. Вместо «Третьего Рима» в России удалось воплотить «Третий Интернационал» и на «Третий Интернационал» перешли многие черты «Третьего Рима». «Третий Интернационал» – тоже священное царство и оно тоже основано на ортодоксальной вере ... Это трансформация русского мессианизма» [1, с. 117-118]. Таким образом, Бердяев идёт в общем русле мировоззренческих ориентиров диаспоры и после шока от прихода к власти в России большевиков и попыток объяснения их успехов делает вывод об исторической обусловленности этого события и необходимости его рассмотрения в контексте становления государственности. Во вступлении к работе «Истоки и смысл русского коммунизма» он отмечает, что доктрина «Москва – Третий Рим» стала идеологическим базисом создания Московского царства, которое собиралось и оформлялось под символикой мессианской идеи. Московское православное царство у Н. А. Бердяева тоталитарно и церковь в нём выполняет лишь служебную функцию. Именно это – главная проблема, ведь царь, по словам Ивана IV, должен не только править государством, но и спасти души подданных [1, с. 10]. Философ рассматривает идеологему «Москва – Третий Рим» в контексте исследования элементов национального религиозного самосознания. Он отмечает,

что для россиян характерен догматизм, аскетизм и способность к жертвенности ради веры, а также доминирование религиозной энергии над возможностями реализации в социальной жизни. Именно поэтому они всегда предстают или ортодоксами, или еретиками, или апокалиптиками, или нигилистами. В этом автор видит причину раскола XVII в., а народников и коммунистов рассматривает как преемников староверов. Опираясь на эти мысли Н. А. Бердяева, можно рассматривать русскую историю сквозь призму противоборства двух общественных систем: «Святой Руси» (царства справедливости и правды) и империи, основанной на силе принуждения. «Святая Русь» имеет мессианский характер (защиту мира от прихода Антихриста), а империя – миссионерский (распространение и защиту православной веры).

Отсюда возникает вопрос, актуальный для современного изучения идеологии «Москва – Третий Рим», а именно – вопрос разграничения мессианизма и миссии. Это позволяет понять трансформации содержания идеологии в течение XVI – XX вв. После Второй мировой войны взгляды Н. А. Бердяева на идеологию «Москва – Третий Рим» эволюционируют от абсолютистского к имперскому содержанию. В исследовании «Истоки и смысл русского коммунизма» он писал: «Империя с её западным типом государственного абсолютизма меньше воплощала идею «Третьего Рима» ...» [1, с. 14]. Империя воспринимается как мощное государство военно-полицейского типа. Она не может быть священным царством. В работе «Русская идея» такое разграничение отсутствует: «в духовных стихах Русь – вселенная, русский царь – царь царей, Иерусалим – это Русь, а Русь там, где истина веры. Российское религиозное призвание, призвание исключительное, связано с силой и величием русского государства, с исключительным положением русского царя. Империалистический соблазн входит в мессианское сознание» [2, с. 79-82].

Идея об имперской сущности Москвы и её мессианском сознании вызвала широкую дискуссию, как в диаспоре, так и между учеными. Эта дискуссия может быть проиллюстрирована на примере работ А. Дж. Тойнби и Д. Д. Оболенского. Тойнби утверждал, что противостояние между цивилизациями обусловлено духовным соперничеством идеологических механизмов. В основу этого противостояния положена борьба между западной цивилизацией, как агрессором, и другими цивилизациями, как жертвами. Именно поэтому Россия всегда пытается строить собственный цивилизационный проект, искать свое место между Востоком и Западом. Для России цивилизационным идентификатором предстаёт православие, а также духовное наследие Византийской империи. Столкновение Запада и России неизбежно, ибо оно продолжает противостояние Запада и Византии, которым пронизана вся история Средневековья [16, с. 15].

Разработка византийского культурно-религиозного наследия в истории России косвенно обуславливает необходимость обращения к анализу идеологемы «Москва – Третий Рим» как одного из её проявлений. А. Дж. Тойнби отмечал, что вследствие принятия Киевской Русью православия Россия получила общую историю с Византийской империей, для которой была характерна неуклонная борьба против агрессии Запада и Востока. В результате, когда в XV в. Византия пала под натиском османов, а Русь выдержала испытания под властью Золотой Орды, сумев создать мощное централизованное государство, способное противодействовать иностранным вторжениям, и тогдашнее Московское государство стало единственным преемником и продолжателем традиции восточного христианства. Русская церковь не признала условий Флорентийской унии (1439), оставшись носителем настоящего православия. А. Дж. Тойнби отмечал, что Москва не была узурпатором роли Византийской империи [15, с. 510]. После падения Константинополя, который предал православие, верная ему Москва и стала «Третьим Римом». «Нет сомнений, что опыт государственного строительства убедил россиян, что Россия – святая страна с уникальной судьбой ... Русская вера в святость смогла пережить политику вестернизации Петра и подчинить своим потребностям западную идеологию ... Русский коммунизм XX века, русское славянофильство и русское первенство в православном мире XV века были последовательным выражением веры в то, что Россия имеет истину, которая позволит ей развиваться в условиях, когда Запад будет падать ...» [16, с. 226-227]. Последовательной реализации идеологемы «Москва – Третий Рим» помешали церковный раскол середины XVII в., который подорвал веру части православного населения в Московское царство как последнюю православную империю, а также политика Петра I, превратившего Россию из православно-христианского самодостаточного государства в динамичное локальное государство, часть европейской системы. По мнению А. Дж. Тойнби, идеологема была возрождена славянофилами, которые снова провозгласили уникальную всемирную миссию и неповторимую судьбу России [15, с. 511]. Таким образом, мы можем отметить тенденцию к рассмотрению славянофильства XIX в. и коммунизма XX в. как вариантов трансформации идеологемы «Москва – Третий Рим». Это обусловило серьёзную критику взглядов Тойнби на указанную идеологему. Исследователь считает, что она есть результат работы греков, провозгласивших своё религиозное превосходство над Западом как носителем испорченного варианта христианства. Россия также приняла от Византийской империи модель абсолютистского государства, где церковь подчинена интересам светской власти. Это обстоятельство, наряду с недоверием к Западу, заставляет Россию постоянно строить контрмир, которым определённым образом и является «Третий Рим». Тойнби прогнозировал, что и в далёком будущем русский дух и

взгляды относительно роли и места России в мире будут оставаться мессианскими.

Одним из главных оппонентов Тойнби стал Д. Д. Оболенский, разработавший целостную концепцию взаимоотношений между Византией и русскими землями. Он утверждал, что историю периода IX – середины XV в. невозможно объяснить в терминах национализма или империализма, поскольку это были отношения, в основе которых лежало культурно-идеологическое и политическое единство. Это единство достигалась признанием церковной власти Вселенского патриарха над православным населением Киевской Руси. Византийский император, в свою очередь, признавался верховным правителем всего православного мира [11, с. 294]. Исследователь отмечал, что толчком к появлению идеологемы «Москва – Третий Рим» стало падение Константинополя в 1453 году, которое разрушило Византийское содружество наций и поставило вопрос о дальнейшем политическом будущем России. В Москве разделяли византийское учение о существовании единственной христианской империи, которая воплощает в себе черты Царства Божия и защищает мир от прихода Антихриста. Ею была Византия, а потому её падение вызвало рост апокалиптических предчувствий. Идеологема «Москва – Третий Рим» стала реакцией на переживания изменений в привычном устройстве мира и результатом переосмысления византийских политических идей местными мыслителями (митрополит Зосима, архиепископ Геннадий, Иосиф Волоцкий и митрополит Даниил), способствовавшего обоснованию божественной и неограниченной власти царя [4, с. 447]. Однако церковные деятели не имели значительного влияния на формирование идеологии Московского царства и больше ориентировалось на опыт монголов, чем на политические концепции Византии. Цари не могли уяснить все возможности, которые открывала перед ними эта идеологема. Москва рассматривалась как средоточие истинного христианства, а не как христианская империя, могущая объединить всех православных. Возможно, поэтому идея византийского наследия не была реализована в XVI – XVII вв. Следует отметить и планы Ватикана распространить действие Флорентийской унии на русские земли. Главными мотивами реальной политики Московского государства можно считать борьбу за объединение русских земель и повышение международного авторитета. Желанием выглядеть защитником православия можно объяснить увлечение князя Ивана IV идеологемой «Москва – Третий Рим», что дало возможность получить в 1589 году статус патриархии для Русской православной церкви. Сочетание царской и патриаршей власти должно было позволить Москве заменить собой Константинополь, соответственно – претендовать на первенство в православном мире.

Таким образом, имеющиеся научные и богословские исследования идеологемы «Москва – Третий Рим» синтезируют сформированные на разных этапах русской историко-философской мысли философско-богословский и историко-филологический исследовательские подходы, что обусловлено различиями в понимании сущности, функционирования и значения идеологемы «Москва – Третий Рим». Первый подход осмысливает религиозный смысл идеологемы в контексте христианской эсхатологии и истории православной церкви, второй же исследует идеологему «Москва – Третий Рим» как фактор формирования московского государства и источник литературно-публицистических памятников XVI – XVII веков. Толкование концепта «Русский мир» в современной русской философии предстаёт как синтез культурного, религиозного и языкового подходов к осмыслению понятия «цивилизация», позволяя акцентировать внимание преимущественно на функционировании и распространении русской культуры, а также сохранении и распространении традиционных христианских ценностей

Список литературы:

1. Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М. : Наука, 1990.- 224 с.
2. Бердяев Н. А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века // Вопросы философии. 1990. № 1. – С. 77–144.
3. Гордиенко Н. С., Шушпанов Е. С. Образ Третьего Рима в сочинениях Н. Ф. Фёдорова // Вестн. ЛГУ им. А. С. Пушкина. 2009. № 4. Т. – 1. – С. 86–93.
4. Дворнік Ф. Слов'яни в європейській історії та цивілізації. К. : Дух і Літера, 2000. – 528с.
5. Зернов Н. Москва Третий Рим // Путь. 1936. № 51. – С. 3–18.
6. Кантор В. К. Санкт-Петербург: Российская империя против российского хаоса. К проблеме имперского сознания в России. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007. – 544 с.
7. Карташёв А. В. Воссоздание Святой Руси. М. : Столица, 1991. – 256 с.
8. Карташёв А. В. Очерки по истории русской церкви. М., 1991. Т.1.- 686 с.
9. Кириллов И. А. Третий Рим. Очерк исторического развития идеи русского мессианизма. М. : Т-во типо-лит. И. М. Машистова, 1914. – 100 с.
10. Леонтьев К. Н. Восток, Россия и Славянство : Философская и политическая публицистика. Духовная проза (1872–1891). М. : Республика, 1996. – 799 с.
11. Оболенский Д. Д. Византийское содружество наций. Шесть византийских портретов. М. : Янус-К, 1998.- 655 с.
12. Соловьёв В. С. Сочинения в 2 т. М. : Правда, 1989. Т. 1. Философская публицистика. – 689 с.

13. Соловьёв В. С. Национальный вопрос в России. М. : АСТ, АСТ Москва, Хранитель, 2000. – 512 с.
14. Соловьёв В. С. «Неподвижно лишь солнце любви...». М. : Московский рабочий, 1990. – 448 с.
15. Тойнби А. Дж. Постигание истории. М. : Айрис-пресс, 2006. – 640 с.
16. Тойнби А. Дж. Цивилизация перед судом истории : Сборник. М. : Айрис-пресс, 2003. – 592 с.
17. Фёдоров Н. Ф. Собрание починений в 4 тт. М. : Издательская группа «Прогресс», 1995. Т. II. – 498 с.
18. Флоровский Г. В. Пути русского богословия. М. : Ин-т русской цивилизации, 2009. – 848 с.
19. Шмурло Е. Ф. Курс русской истории ; Отв. ред. акад. РАО А. А. Корольков. [Рос. акад. образования. Сев.-Зап. отд-ние]. СПб. : Алатейя, 1999. Т. 2. Русь и Литва. – 442 с.
20. Шмурло Е. Ф. Курс русской истории ; Отв. ред. акад. РАО А. А. Корольков. [Рос. акад. образования. Сев.-Зап. отд-ние]. СПб. : Алатейя, 1999. Т. 4. Спорные и невыясненные вопросы русской истории. – 328 с.

РОССИЯ, ДОНБАСС, УКРАИНА:
В ПОИСКАХ ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ
Н. С. Ищенко

Проблема общественной солидарности в современной России стоит очень остро. Общественная солидарность позволяет обществу выступать как субъект истории, отвечать на вызовы времени, реализовывать единую стратегию развития. Отсутствие общественной солидарности порождает невозможность совместного действия и может вызвать гражданский раскол и войну в обществе, как это можно видеть на примере украинского общества и войны, которую ведет Украина против республик Донбасса с 2014 года.

Война стала возможна в результате действий украинских властей по разрушению общей цивилизационной идентичности украинского общества, которое по базовым культурным константам принадлежит ареалу русской культуры [3]. В самой России единая цивилизационная идентичность в настоящее время еще не сложилась [6, с. 216]. Исторические предпосылки возникновения

базового компонента русской цивилизационной идентичности – справедливости как высшей ценности – будут рассмотрены в докладе.

Понятие цивилизации многозначно. Современное понимание цивилизации восходит к работам О. Шпенглера и Н. Я. Данилевского [2, с. 122 – 125]. Речь идет о понимании цивилизации как материального воплощения культурно-исторического типа ментальности, который выступает как субъект истории [2, с. 20 и сл.].

Цивилизация определяется своим особым комплексом идей и ценностей, а также особой религией, включает в себя всегда несколько народов и может интегрировать в свой состав не только дикие племена, но и государства. Каждый народ имеет культуру и религию, далеко не каждый создал государство, и очень немногие народы создали культурно-исторический тип духовности, ставший основой цивилизации.

Социальная идентичность представляет собой ценностное отношение индивида к собственной принадлежности к определенной социальной группе [6, с. 39]. На базе социальной идентичности формируется этнокультурная идентичность, в основе которой лежит этническая, национальная и культурная принадлежность индивида [6, с. 66]. Современная русская культура содержит в латентном виде все смыслы, которые реализовывались в процессе исторической деятельности русского народа. Одним из важнейших периодов формирования русской культурной идентичности является период Смуты в XVII веке.

Именно период Смуты апологеты европейских ценностей рассматривают как точку бифуркации, когда Россия могла пойти по европейскому пути и не сделала этого. Это было действительно так. Земский собор, который в 1613 году вручил власть первому царю из династии Романовых, мог бы своей силой учредить парламентскую республику или конституционную монархию, благо европейские идеи и государственное устройство европейских обществ были тогда хорошо известны. Однако наши предки выбрали самодержавие, и это связано с цивилизационными особенностями русского народа.

Около тысячи лет назад, после раскола церквей в 1054 году, в Европе возникла европейская католическая цивилизация, отделявшая себя от византийского культурного региона. Культурные основы этой цивилизации исследовали многие авторы, классической стала работа французского историка Ле Гоффа [5]. Религиозно все европейские народы были едины – они были католическими. Политически эти народы не были едины, имели разные государства и постоянно воевали друг с другом.

Около пятисот лет назад, в период Реформации в XVI веке в Европе появилась новая цивилизация – протестантская. Она включает в себя все протестантские народы. Религиозно протестантский мир тоже един, как и

породившая его католическая Европа. Политически он так же раздроблен, как и она.

Соотношение этих двух цивилизаций – открытый вопрос. Протестантский мир при своем рождении и до сих пор явно враждебен католической цивилизации, но в некоторых отношениях они могут выступать единым фронтом и явно чувствуют свое культурное единство. Во всяком случае, протестанты, очевидно, относят католиков к высшему классу людей по сравнению с неграми, мусульманами, русскими и китайцами. Эти две цивилизации вместе называются западной цивилизацией.

Базовая ценность западной цивилизации – самодостаточный индивид. Культурообразующее для западной цивилизации значение идеи самодостаточного индивида раскрыл уже в XX веке О. Шпенглер в образе фаустовского человека, анализу которого посвящен его программный труд по исторической морфологии «Закат Европы» [9].

В XVII веке были сделаны первые попытки осмысления философских оснований формирования самодостаточного индивида, в результате чего была создана политическая теория государства, состоящего из индивидов, каждый из которых борется за свои права в войне всех против всех, идущей в любом государстве, как описал это английский философ Т. Гоббс [1]. В гражданском плане такой подход требует объединения индивидов по интересам и борьбы их за свои интересы против других групп. Победитель получает все. Побежденный получает столько, сколько нужно, чтобы он мог работать и не мог восстать. Это считается в западной цивилизации справедливостью. Именно такая идейная структура европейской ментальности привела к распространению в Европе идей парламентаризма. Концепция парламента как пространства, где фракции борются за свои интересы, обладает неодолимой привлекательностью для европейских народов и входит в зону сакрального западной цивилизации, в состав так называемой культуры демократии [4].

Россия – третья христианская цивилизация на планете. Россия как цивилизация существует отнюдь не со времен Киевской Руси. До монгольского нашествия Русь была очень похожа на Европу и культурно (религиозный раскол еще не проявился в такой степени), и в политическом отношении, вечной войной государств друг с другом. Россия оформилась в цивилизацию уже после татаро-монгольского ига, ориентировочно во времена Ивана Великого, XV век. В этот период Россия выступает как цивилизационный и политический центр для разных народов.

Базовая ценность русской цивилизации – Высшая правда, соотносимая со святостью и в секулярной проекции общественной деятельности понимаемая как справедливость для всех [7, с. 515 – 540]. В гражданском плане такая сверхидея

лежит в основе имперских структур государственности, которые обеспечивают реализацию общего блага вопреки групповым интересам. В русской культуре всегда есть достаточное количество отдельных людей и социальных групп, для которых общее важнее частного, и в результате идея парламентаризма не имеет такой неотразимой привлекательности в русской культуре. Интуитивно ясно, что есть работа, которую нужно выполнять независимо от борьбы фракций, постановления партий и системы интересов разных групп. Для нас это понимание настолько естественно, что мы автоматически домысливаем его в любую культуру, и нам сложно представить людей, у которых этого нет. В частности, именно поэтому в военном 2014 году, когда украинская государственность в республике прекратилась, а собственная еще не была создана, у нас работали школы, больницы, бюджетные предприятия.

Благодаря этой культурной константе русские умеют действовать как целое в противоположность европейцам, которые не могут объединиться в единое государство, но отлично реализуют себя на уровне малых групп.

Рассмотренные системы ценностей конфликтуют сейчас на Украине. По Украине проходит граница зон влияния России и Европы, и эти зоны не просто политические, а цивилизационные. Конфликт между нашими двумя цивилизациями слишком глубок, потому что несовместимы наши базовые ценности. Именно этот раскол цивилизаций разделяет Украину, выражаясь, в том числе, в расколе религиозном.

Автокефалия Православной Церкви Украины (ПЦУ) была официально признана Константинопольским патриархом в январе 2019 года. ПЦУ реализовалась как антирусский проект, направленный на уничтожение влияния Украинской Православной Церкви Московского Патриархата. Как сообщается на сайте Патриархии РПЦ, в ПЦУ нарушена апостольская преемственность, поскольку большая часть ее священников была рукоположена раскольником Филаретом (извергнут из сана 11 июня 1992 года). «Также в «епископат» «Православной церкви Украины» была полностью включена иерархия так называемой «Украинской автокефальной православной церкви», в основе которой — «хиротонии», совершенные в 1990 году бывшим епископом Житомирским Иоанном Боднарчуком (в 1989 году извержен из сана решением Священного Синода Русской Православной Церкви) и бывшим диаконом Виктором Чекалиным (в 1988 году лишен сана за аморальные поступки), самозванцем, который выдавал себя за епископа, но в действительности никогда не имел даже раскольнической епископской хиротонии» [8].

При создании ПЦУ Константинополь нарушил принцип икономии, признанный церковью еще в IV веке, который заключается в том, что принять в общение раскольников может только тот епископ, от которого они откололись, и

никакой другой. Согласно этому принципу восстановить общение с раскольниками могла только РПЦ, и никакая другая кафедра не имела права в это вмешиваться.

После признания ПЦУ Константинополем она получила привилегии на законодательном уровне, которые начали реализовываться на местах в центральной и западной Украине. Таким образом, в ходе войны за культурное влияние на жителей Украины, правительство вмешалось в дела церкви и пошло на религиозный раскол.

События после 2014 года показывают, что носители европейской цивилизационной идентичности все еще в меньшинстве на Украине, однако это агрессивное меньшинство, захватившее политическую власть. В их руках государство, идеология и все средства обработки общественного сознания, которые созданы культурой постмодерна в век информационных технологий. Коллективное сознание может меняться, политический и культурный ландшафт также трансформируются. Возможно, эти территории будут потеряны для России и русской культуры, как Германия потеряла Эльзас, а Франция – Алжир.

В то же время история показывает, что усилия католического государства, проводившего в течение нескольких столетий активную политику униатства, не могут полностью уничтожить русскую цивилизационную идентичность населения. Причина этого в том, что в западной цивилизации общество сегрегировано, и в Речи Посполитой православные как общность были людьми второго сорта, не имеющими доступа к правам и привилегиям, что наряду с религиозным фактором способствовало их консолидации. Те же архаичные структуры коллективного бессознательного работают на Украине и сейчас, с уходом более высокоразвитого имперского проекта из украинской культуры. Современные украинские власти создают национальное государство, закрепляя законодательно привилегии за титульной нацией, которая в идеале отличается от большинства населения языком и религией. Предыдущая такая попытка окончилась появлением Богдана Хмельницкого и воссоединением этих территорий с Россией.

Подводя итоги, нужно сказать, что Украина и Донбасс находятся в зоне конфликта цивилизаций, который проявляется в политической, военной, культурной и религиозной сфере. Русский опыт четырехвековой давности показал несовместимость базовых идей двух цивилизаций, и эта несовместимость проявляется и сейчас на Украине. Размытие культурной идентичности в наши дни идет гораздо быстрее, чем когда-либо раньше, и закрепление Украины в зоне влияния чужой цивилизации довольно вероятно.

Противостояние происходит в первую очередь в культурной сфере, поэтому одна из доступных нам стратегий распространения ценностей русского мира

заключается в реализации их на нашей территории так, чтобы наша культурная привлекательность была очевидна. Современная история военного Донбасса дает тому немало примеров. Культурная жизнь, включая литературу, науку, музыку, театр и даже кино, развивается в нескольких километрах от линии фронта. Это само по себе показывает, что нашим защитникам есть что защищать, а культурные ценности русского мира поддерживают и вдохновляют людей даже в условиях войны. Работая здесь, создавая и творя в республиках, в условиях военного времени, жители Донбасса дают украинцам шанс соотнести свое поведение с ценностью справедливости, то есть, следуя русской культурной норме. Русские люди всегда надеются, что по ту сторону границы есть кому воспользоваться этим шансом.

Еще одна доступная стратегия распространения ценностей русского мира заключается в целенаправленной работе общественных организаций и государственных структур Российской Федерации. Организация выставок, публикаций, конференций, сборников, фестивалей, кинопроектов, телевизионных программ и других мероприятий, представляющих русскую культуру, и привлечение к участию в этих мероприятиях научных и творческих работников Донбасса и Украины может оказаться действенным механизмом создания общей культурной памяти для таких разных сегментов русского культурного пространства, объединенных, тем не менее, общими культурными константами.

Таким образом, в основе русской цивилизационной идентичности лежит идея о высшей правде, которая понимается как справедливость для всех. Эта идея принадлежит к культурным константам не только современного российского общества, но и играет важнейшую роль в культуре республик Донбасса настоящего времени, которые осознают себя как рубеж русского мира, призванный реализовать ценность справедливости в условиях враждебного окружения и войны с Украиной. Более того, цивилизационная ценность справедливости принадлежит к базовым и в украинском поликультурном обществе, в основе которого все же лежит православная культура русского цивилизационного порубежья. В украинском обществе пока отсутствует сформированная альтернатива русской культурной идентичности, хотя работа в этом направлении ведется с применением всего ресурса государственной власти в области насаждения националистической идеологии и европеизации населения. Украина в настоящий период находится в зоне цивилизационного конфликта, из которой Россия вышла в период Смуты. Республики Донбасса в 2014 году оказались в зоне активной фазы этого конфликта, когда их принадлежность к русской цивилизации была заявлена открыто, на Украине же проблема цивилизационной идентичности до сих пор является одной из важнейших в культурной сфере.

Список литературы:

1. Гоббс Т. Левиафан. М.: Мысль, 2001. 478 с.
2. Гуревич П.С. Культурология. Учебник для вузов. М. : Проект, 2003. 336 с.
3. Ищенко Н. С., Суханцева В. К. Проявление русского культурного архетипа в годы войны на Донбассе // Донецкие чтения–2017: Русский мир как цивилизационная основа научно-образовательного и культурного развития Донбасса: материалы Международной научной конференции студентов и молодых ученых (г. Донецк, 17–20 окт. 2017 г.). Т. 5: Социально-политические, исторические и философские науки / под общ. ред. проф. С. В. Беспаловой. Донецк : Изд-во Донецкого национального университета, 2017. С. 348–350.
4. Капто А. С. Взаимодействие культуры мира и культуры демократии как ключевая проблема обновляющегося миропорядка // Актуальные проблемы современной цивилизации. 2017. №2(43). С. 14 – 24.
5. Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада / Пер. с фр. под общ. ред. В. А. Бабинцева; Послесл. А. Я. Гуревича. Екатеринбург: У-Фактория, 2005. 560 с.
6. Малыгина И. В. Идентичность в философской, социальной и культурной антропологии: Учебное пособие. 2-е изд. М.: Согласие, 2018.
7. Можайскова И. В. Духовный образ русской цивилизации и судьба России (Опыт метаисторического исследования). В 4-х частях. Часть I. Религиозные начала цивилизационной структуры и духовные истоки русской цивилизации. М.: Вече, 2001. 560 с.
8. О недействительности хиротоний украинских раскольников и неканоничности «Православной церкви Украины» [Электронный ресурс] // <http://www.patriarchia.ru/db/text/5510101.html>.
9. Шпенглер О. Закат Европы: Очерки морфологии мировой истории. Т. 1. Образ и действительность [Пер. с нем. Н. Ф. Гарелин; Авт. комментариев Ю. П. Бубенков и А. П. Дубнов; Худ. обл. М. В. Драко]. Мн. : Поппури, 1998. 688 с.

ПРИМЕНЕНИЕ ПРОПАГАНДЫ ДЛЯ ИЗМЕНЕНИЯ
КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ СОВРЕМЕННОЙ УКРАИНЫ

Е. А. Заславская

Культура современной России развивается в активном взаимодействии с другими культурами. Происходит это, в том числе, с помощью новых медийных

технологий. Информационное пространство дает новые способы манипуляции общественным сознанием. Это приводит к размыванию культурных границ и появлению новых идентичностей.

На Украине, где русские составляют значительную часть населения, конструируется новая идентичность, призванная заменить русскую культурную идентичность. Рассмотрим характеристики современной украинской идентичности и методы ее внедрения.

Культурная идентичность представляет собой ценностное отношение индивида к собственной принадлежности к определенной социальной группе. [5, с. 39]. Культурная идентичность выполняет дифференцирующую функцию, отделяя группу от окружающих, формируя четкое разделение на мы и не-мы [5, с. 25 и сл.]. Еще одна функция культурной идентичности – интеграционная. Культурная идентичность предоставляет конкретное наполнение образа «мы», показывая, чем избранная группа отличается от остальных. До появления единого информационного пространства и технологий манипулирования общественным сознанием эти функции выполнялись спонтанно сформированными культурными идентичностями, которые возникали на религиозной основе.

Обе указанные функции воссоздаются при формировании культурной идентичности новых групп в наше время. На примере новой украинской идентичности можно проследить реализацию дифференцирующей и интеграционной функций новой идентичности и методов их внедрения.

К методам внедрения можно отнести такие пропагандистские приемы как приклеивание ярлыков, трансформацию образов и создание стереотипов [1, с.42-43].

Приклеивание ярлыков – это употребление терминов-антагонистов «ватник», «москаль», «кацап», «колорад», которые используется для дискредитации и дегуманизации русских Украины [2].

Трансформация образов заключается в том, что сформированные всем известные понятия пытаются перестроить на свой лад в своих целях. Например, трансформация образов происходит, когда украинскую агрессию против республик Донбасса называют борьбой с оккупантами, используя сформированный в годы Великой Отечественной войны символический ресурс.

Формирование стереотипов – это создание стойкой ассоциации идей, которые не связаны в реальности. Этим методом связываются идеи «украинец» – «европеец» и «русский» – «агрессор».

Рассмотрим механизм внедрения новой украинской идентичности в русскоязычную культурную среду Украины на примерах проектов «Пропагандариум» и «Ре-визия истории».

Проект «Пропагандариум» был реализован в 2019 году общественной организацией «Интерньюз-Украина» при поддержке «Медийной программы в Украине», финансируемой Агентством США по международному развитию (USAID). «Пропагандариум» представляет собой виртуальную инсталляцию с двумя интерактивными комнатами: «Музей пропаганды» и «Комната медиаграмотности».

В «Музее пропаганды» посетителям демонстрируются фрагменты программ российских ведущих Дмитрия Киселева, Ольги Скабеевой и Владимира Соловьева, выступления президента РФ Владимира Путина, статьи российских СМИ с целью «наглядно продемонстрировать токсичность российской пропаганды», которая «не просто искажает факты, а формирует у потребителей собственную искаженную реальность».

В «Комнате медиаграмотности» посетитель надевает очки виртуальной реальности, чтобы рассмотреть круговое видео (360). Следует отметить, что видео 360 представляет собой одну из современных технологий виртуальной и дополненной реальности. Это интерактивная видеозапись, в которой посетитель может видеть не только точку зрения оператора, но и все, что происходит вокруг. С помощью гаджетов виртуальной реальности, таких как очки Oculus Rift, HTC Vive, Samsung Gear VR или многих других, посетитель полностью погружается в видеосюжет, смотрит в любую сторону и в любой момент времени может очутиться в центре событий.

Задача «Комнаты медиаграмотности» – продемонстрировать «распространенные нарративы пропаганды РФ в отношении Украины». Стены «комнаты медиаграмотности» завешаны просветительскими плакатами с признаками фейков, каналами пропаганды и правилами медиагигиены. Понятие «фейк» (от англ. fake – «подделка», «фальшивка», «обман») включает в себя следующие медиа-явления: поддельные тексты, а также фото-, видео- или аудиозаписи, накрутка рейтинга при помощи интернет-ботов, фальшивых аккаунтов, выставляющих «лайки» и постящих одобрительные комментарии [8, с. 89]. Понятие «фейк» стало популярно после 11 января 2017 года, когда президент США Дональд Трамп написал в своем микроблоге в Twitter ставшую знаменитой фразу: «Фейковые новости – тотальная политическая охота на ведьм!». Американский президент назвал «информационной помойкой» издание BuzzFeed, опубликовавшее 35-страничный доклад о якобы имеющем место компромете на Трампа, собранном российскими спецслужбами, и отказался от диалога с корреспондентом CNN Джимом Акостой: «Я не дам вам возможность задать вопрос. Вы занимаетесь информационными фейками» [8, с. 88].

Используя, это популярное выражение украинские пропагандисты создают у посетителей «Комнаты медиаграмотности» следующий стереотип: любые российские новости – это фейк.

Инсталляцию модерируют так называемые врачи-фейкологи. С помощью «фейкометра» они измеряют уровень «Киселевых» в организме гостей. В украинском новоязе фамилия российского ведущего стала нарицательной и используется для формирования стереотипа русские новости – фейковые. Как сообщают организаторы, «такая шутка сразу настраивает посетителей на непринужденный лад и способствует более позитивному восприятию информации». Таким образом, авторы проекта решили пойти по пути инфотеймента (infotainment, от англ. Information – информация и entertainment – развлечение).

В начале и в конце визита в «Пропагандариум» гости проходят онлайн-тест. Он помогает понять, насколько посетители освободились от влияния России. После успешного прохождения теста посетители получают подарки: тематические экосумки, яркие стикеры и брошюру «Как уберечься от кремлевской пропаганды и манипуляций».

За пять месяцев работы странствующей инсталляции было проведено около 2300 встреч с посетителями в рамках проекта; 114 материалов в СМИ, в том числе 17 телевизионных сюжетов; более 200 публикаций-упоминаний в соцсетях с хэштегом проекта #Пропагандариум, #НеВедуся. Полноформатная инсталляция работала по три недели в Краматорске и Одессе. В сокращенном фестивальном варианте она имела место в Киеве, Харькове, Угледаре, Волновахе и Мангуше. Таким образом, особое внимание было уделено востоку и югу Украины, как русскоязычным регионам, где живут носители русской культуры. На этом история «Пропагандариума» не заканчивается, отмечают организаторы, впереди новые города [4].

В этой работе ярко проявляется дифференцирующая функция новой украинской идентичности. Она направлена на отделение русских от России и русской культуры.

Интегрирующую функцию выполняет украинский язык, а все прочие компоненты совпадают с дифференцирующей функцией – украинцы это все те, кто не русские. Внедрение этой идентичности происходит методом приклеивания ярлыков и формирования стереотипов: российские новости – фейковые, российские ведущие – лгут, российский президент – агрессор, русские в России – обманщики, русские на Украине – обманутые.

Те же методы пропаганды используются и в проекте «Ре-візія історії: російська історична пропаганда та Україна».

В октябре 2019 года в Киеве прошла презентация книги «Ре-візія історії: російська історична пропаганда та Україна». Организаторами мероприятия выступила общественная организация «Интерньюз-Украина» при финансовой поддержке Европейского Союза и Международного фонда «Возрождение».

Как отмечается в анонсе, книга «Ре-візія історії: російська історична пропаганда та Україна» содержит анализ ключевых нарративов российской исторической пропаганды в отношении Украины и ответ украинских историков на эти нарративы. Эти все нарративы образуют мозаику того, что в этой книге мы называем «российской исторической пропагандой». Она не всегда чисто «дезинформация», не всегда «фейковые новости», это значительно больше и значительно сложнее [6, с.5]. По замыслу составителей книга должна показать, «как Россия перетолковывает украинскую историю и оправдывает свою военную агрессию» [7].

«Незаконную аннексию Крыма обосновывали тем, что Крым «всегда был русским», и он «святыня русского христианства». Российскую агрессию в Донбассе обосновывали тем, что Донбасс оказался в границах Украины «случайно», и там живут исключительно «русскоязычные», которых вот-вот придут уничтожать украинские «нацисты», потому что все украинцы – «нацисты». Попытки принести «русский мир» в Одессу или Харьков обосновывали тем, что с XVIII века существует какая-то мистическая «Новороссия», и что эти территории не были бы украинскими, если бы не русские цари. «Боевой дух» донецких или луганских «ополченцев» подпитывали тезисом о том, что Украина забыла победу над нацизмом, потому что сама стала «фашистской», а значит к ней следует применять ту же ненависть, которую применяли к «немецко-фашистским захватчикам» почти 80 лет назад», – говорится в предисловии книги [6, с.4].

«История оказалась в центре новейшей агрессии России против Украины. Чтобы придать этой агрессии смысл, чтобы сделать ее «понятной» для определенного круга людей, Кремль рассказывает этим людям истории об истории», – пишут организаторы презентации. – «Мы исследовали главные нарративы российской исторической пропаганды, распространённые в российском и украинском сегментах интернета. Для этого аналитики компании Singularex и ОО «Интерньюз-Украина» использовали анализ больших данных: отобрали более 850 000 постов с «ВК» и 16000 постов с фейсбуке (период: с 1 января 2016 до 1 апреля 2019 включительно). Из них «целевыми» (они содержат ключевые слова, которые нас интересовали) оказались 248 000 постов в «ВК» и 2500 постов в фейсбуке» (по материалам [Ревизия презентация]). Среди нарративов, которые разрушаются украинскими пропагандистами, «Крим, Донбас

і південний схід України – це Росія», «СССР – потужна імперія, Сталін – герой» [7].

Так, наприклад, історик Геннадій Ефименко описує створення народних республік Донбасу: «в 2014 році Кремль намагався розколоти Україну і створити так звану «Новоросію», яка мала ввійти до складу Росії. Взагалом, ця спроба потерпіла крах, однак Росії вдалося анексувати Крим і окупувати частину Луганської та Донецької областей, де, щоб замаскувати перед світовим суспільством агресію проти України, російські окупанти і ініціювали провозглашення цих псевдореспублік» [6, с. 55].

На цьому прикладі видно, як відбувається приклеювання ярликів і трансформація образів: Новоросія – так звані і в лапках, приєднання Криму – анексія, ЛНР і ДНР – псевдореспубліки, місцеві ополченці – російські окупанти.

Історик Ярослав Грицак пише «Якщо для росіян головне основопологаюче подія – це «Велика вітчизняна війна», то для українців за останні 10-15 років – це Голодомор.» [6, с.95]. Він підкреслює, одне з важливих відмінностей сучасного українця від сучасного росіянина: якщо для росіянина центральним топосом культурної пам'яті є Велика Вітчизняна Війна, то для сучасного українця цю функцію хочуть передати Голодомору, який нібито організований росіянами.

Таким чином, в сучасній інформаційній і культурній повестці України Росія і російська культура виступають як головний ворог, формуючий поле комунікацій. Боротьба з ним є основою формування української ідентичності.

Диференціююча функція нової ідентичності – відмінність українців від сучасних росіян, так і від радянського минулого. Границя сучасної української ідентичності проходить не тільки в сучасності, але і в минулому. Штучно створювана колективна ідентичність пострадянської України ґрунтується в основному на останніх п'яти століттях історії. Події цього часу добре задокументовані, тому при конструюванні нової ідентичності використовуються фальсифікації, підлоги і вигадки на тему героїчної історії українського народу.

Інтегруючу функцію в цьому плані повинен виконувати Голодомор, а також неприязнь спільної з Росією історії і російської сучасності.

Як повинна діяти Росія в цьому випадку? У російського політолога Валерія Коровина прогноз песимістичний. Аналізуючи три сценарії дій Росії в стосунку Грузії, України і Киргизії – приховане втручання (Грузія), відкрите втручання (Україна, 2004 рік), і невтручання (Киргизія) він пише: «Таке ж невтручання російські влади

продемонстрировали и по отношению к кровавым событиям украинского Майдана 2014-го года. Россия совершенно пассивно, растерянно и безучастно сдает свои интересы в зонах прежнего влияния, завоеванного огромной ценой предыдущих поколений» [3, с. 189].

Тем не менее и присоединение Крыма, и помощь республикам Донбасса, говорят о том, что Россия стоит на защите своих интересов.

С начала войны в 2014 году Донбасс оказался на границе между Россией и Украиной, которая находится в процессе смены русской культурной идентичности на современную украинскую, в то время как культура Донбасса реализуется как русская культура. В Донбассе идут интеграционные процессы воссоединения с Россией. Интеграция в российское пространство происходит сразу по многим направлениям: образование, экономика, наука, культура. Все процессы интеграции с Россией – долгосрочные, они имеют длительную перспективу, именно сейчас формируются конкретные механизмы совместной деятельности жителей Донбасса и России, то есть на практике реализуется объединение с русской культурой и нашей общей Родиной, ради которого Донбасс поднялся в 2014-м году.

Список литературы:

1. Борисов Б.Л. Технологии рекламы и PR: Учебное пособие. М. : Фаир-пресс, 2001. – 624 с.
2. Ищенко Н. С. Дегуманизация русских Украины как прием информационной войны // Актуальные проблемы информационного противоборства в современном мире: вызовы и угрозы для России и Русского мира : Материалы Международной научно-практической конференции (Донецк, 30 октября 2019 г.) / Под общей редакцией проф. С.В. Беспаловой. Донецк: Изд-во ДонНУ, 2019. С. 47 – 50.
3. Коровин, В. Третья мировая сетевая война / В. Коровин. – СПб. : Питер, 2014, – 352 с.
4. Краматорськ, Одеса, Запоріжжя. «Пропагандаріум»: фейколог Пігулко запрошує на прийом // «ІНТЕРНЬЮЗ-УКРАЇНА». – 10.05.2019. – Режим доступа: <https://internews.ua/opportunity/propagandarium>
5. Малыгина И. В. Идентичность в философской, социальной и культурной антропологии : учеб. пособие. изд. 2-е / И. В. Малыгина. – М. : Согласие, 2018. – 240 с.
6. Ре-візія історії. Російська історична пропаганда та Україна. – Київ : К.І.С., 2019. – 99 с.
7. Ре-візія історії: російська історична пропаганда та Україна [Электронный ресурс] // <https://internews.ua/opportunity/revision-presentation>.

8. Суходолов А.П. Феномен «фейковых новостей» в современном медиапространстве // Евроазиатское сотрудничество: гуманитарные аспекты: материалы междунар. науч.-практ. конф. – 2017. – С. 87-103.

СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ СМЫСЛЫ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРОЕКТОВ

А.Ю. Трубецкая

В 2018 году на федеральном уровне были обозначены национальные государственные ориентиры и определены национальные цели развития Российской Федерации на период до 2024 года, которые должны в определенном смысле настроить систему государственного управления. Это стало закономерным этапом реализуемого с 2011 года механизма стратегического планирования – государственных программ, направленных на достижение приоритетов и целей государственной политики в сфере социально-экономического развития и обеспечения национальной безопасности. Программы формировались по отраслевому признаку, были связаны с Концепцией долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года и актуализированы в соответствии с федеральным бюджетом. Программы, реализуемые вплоть до 2018 г., были сгруппированы по тематическим направлениям: новое качество жизни, инновационное развитие и модернизация экономики, сбалансированное региональное развитие, обеспечение национальной безопасности и эффективное государство. Каждое из направлений было представлено целым рядом программ, целевые ориентиры и содержание которых разрабатывались внутри отраслевых ведомств, что в определенной степени затрудняло видение общего вектора развития. Пересборка государственных программ в национальные проекты – попытка придать государственной политике целесообразный характер, транслируемый далее на территориальный и отраслевой уровень управления. Такими смыслообразующими целевыми ориентирами были выбраны «научно-технологическое и социально-экономическое развитие, увеличение численности населения, повышение уровня жизни граждан, создание комфортных условий для их проживания, а также

условий и возможностей для самореализации и раскрытия таланта каждого человека» [8].

Стремление познать и обозначить цель своей деятельности (и даже шире – своего существования) всегда было присуще человеку. Постигание смысла истории, общества и государства – фокус интереса социальной философии, классические идеи которой выражены в трудах Платона, Аристотеля, Г. Гегеля, И. Канта, А. Шопенгауэра, Ф. Ницше, К. Маркса, В. Соловьева, Н. Бердяева и др. Однако, на уровне государственного управления можно говорить скорее о формировании образа желаемого будущего в логике идей исторического прогресса, реализация которого предполагается с помощью проектных методов. Проектный метод подразумевает оценку текущей ситуации, выявление проблем (несоответствий образам желаемого будущего), постановку целей и задач (действий, необходимых для достижения образа желаемого будущего), их реализацию и оценку результатов. Важно отметить, что проект всегда ограничен во времени и предполагает неклассическое (уникальное) решение выявленной проблемы. На практике социально-философская рефлексия государственных программ или национальных проектов подменяется преимущественно методами количественного анализа механизмов реализации и критериев оценки их результативности (т.е. двух последних этапов реализации любого проекта). Но для стратегического долгосрочного планирования и прогнозирования необходимо сосредоточиться на понимании целевых ориентиров, т.е. на образе желаемого будущего, являющегося отправной точкой для национальных проектов.

Все основополагающие стратегические документы, определяющие направления общественного развития и регламентирующие основные сферы общественной жизни, можно условно разделить на три типа:

- обеспечивающие комплексный подход к общественному развитию;
- обеспечивающие отраслевой подход к развитию общественных институтов;
- обеспечивающие инфраструктурные преобразования.

Помимо указанных выше стоит также обозначить послания, программные статьи и обращения первых лиц государства, формат которых позволяет задавать и оперативно корректировать выбранный курс, минуя долгосрочный процесс принятия соответствующих нормативно-правовых актов [7]. До последнего времени именно через них представлялось возможным деконструировать тот самый образ желаемого будущего, уловить конкретные векторы национальных приоритетов. Данная ситуация, на наш взгляд, изменилась с принятием национальных проектов.

В соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 07.05.2018 № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской

Федерации на период до 2024 года» Правительством Российской Федерации разрабатываются национальные проекты по двенадцати направлениям, развитие которых необходимо для достижения национальных приоритетов: здравоохранение, образование, демография, культура, безопасные и качественные автомобильные дороги, жильё и городская среда, экология, наука, малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы, производительность труда и поддержка занятости, международная кооперация и экспорт, цифровая экономика российской федерации. В рамках каждого национального проекта разрабатываются федеральные проекты, направленные на достижение заданных целевых показателей.

Из вышеперечисленных национальных проектов, в наибольшей степени транслирующих социально-культурные смыслы, можно выделить следующие: «Образование», «Культура», «Жильё и городская среда», «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы». В целях их анализа предлагается определение оснований реализуемых проектов в соответствии со следующими факторами, изменение которых вызывают принципиальные изменения в функционировании исследуемых объектов:

– пространственные характеристики проекта – анализ субъектов и объектов, место человека и общества в системе государственного регулирования исследуемой сферы. От пространства проекта напрямую зависит его эффективность, так как оно определяет дальнейшие целевые и ценностные установки, инструменты реализации.

– ценностные установки проекта – анализ целей, ценностей (принципов), направлений и социального результата реализации мер их достижения, наличие или отсутствие мотиваций для содержательных действий в рассматриваемых сферах. Данный фактор является смыслообразующим и напрямую связан с предыдущим, т.е. пространство проекта является совокупным инструментом реализации ценностных установок. Ценностные установки должны быть сформулированы в процессе общественного диалога и донесены до всех субъектов, действующих в рассматриваемых сферах, в противном случае возникает диссонанс между тем, что государство декларирует и тем, что реализует.

– механизмы реализации – анализ инструментов воздействия проекта для реализации его целей. Такие механизмы должны соответствовать всем предыдущим факторам (пространству и ценностным установкам), быть актуальными и прогрессивными. Также они должны быть гибкими и вариативными, подстраиваться под постоянно меняющуюся действительность. В

рамках текущего анализа предлагается выделить ключевой для проекта типы механизмов: инфраструктурный, финансово-экономический, нормативно-правовой, образовательный и пр.

Рассмотрим в рамках предложенной модели основные национальные проекты, нацеленные на достижение определенных результатов в социально-культурной системе.

Национальный проект «Культура» [3] направлен на развитие существующей сети учреждений культуры (дома культуры, культурные центры, библиотеки, театры, концертные залы, музеи и пр.), специалистов сферы культуры (управленческие и творческие кадры) и каналы коммуникации в сфере культуры (в том числе цифровые). Исходными целевыми установками при разработке проекта явились следующие:

- укрепление гражданской идентичности;
- развитие культурно-образовательных и музейных комплексов, театров юного зрителя, кукольных театров, других учреждений культуры в сельских поселениях (создание, модернизация, ремонт);
- обеспечение учреждений культуры, связанных с детским творчеством, инструментами, оборудованием и материалами;
- продвижение талантливой молодежи в сфере музыкального искусства;
- создание виртуальных концертных залов;
- создание условий для показа национальных кинофильмов;
- подготовка кадров для организаций культуры;
- поддержка добровольческих движений, в том числе в сфере сохранения культурного наследия.

Реализация целевых установок предполагается в рамках трех федеральных проектов: «Культурная среда» (инфраструктурные преобразования), «Творческие люди» (образовательные и профессиональные преобразования), «Цифровая культура» (преобразования в сфере каналов коммуникации). При этом преобладающими можно назвать разного типа инфраструктурные преобразования (что также находит отражение и в том, что задачи инфраструктурного характера были предложены в качестве целевых установок проекта).

Национальный проект «Образование» [5] направлен на развитие существующей сети организаций общего, среднего и профессионального образования, реализацию мер в отношении учащихся всех уровней, семей с детьми, управленческих и педагогических кадров. Исходными целевыми установками при разработке проекта явились следующие:

- обеспечение глобальной конкурентоспособности российского образования;

– воспитание гармонично развитой и социально ответственной личности на основе духовно-нравственных ценностей народов Российской Федерации, исторических и национально-культурных традиций.

Реализация целевых установок предполагается в рамках десяти федеральных проектов: «Современная школа», «Успех каждого ребенка», «Поддержка семей, имеющих детей», «Цифровая образовательная среда», «Учитель будущего», «Молодые профессионалы», «Новые возможности для каждого», «Социальная активность», «Экспорт образования», «Социальные лифты для каждого». Основными механизмами можно назвать педагогические (разработка новых образовательных программ и внесение изменений в существующие), а также профориентационные и образовательные (система отбора талантливых детей, непрерывного повышения квалификации и пр.).

Национальный проект «Жилье и городская среда» [2] направлен на развитие инфраструктуры жилищного строительства, финансовых организаций, включенных в сферу жилищного строительства, а также жителей городов. Исходными целевыми установками при разработке проекта явились следующие:

- обеспечение доступным жильем семей со средним достатком;
- увеличение объема жилищного строительства;
- кардинальное повышение комфортности городской среды;
- создание механизма прямого участия граждан в формировании комфортной городской среды;
- обеспечение устойчивого сокращения непригодного для проживания жилищного фонда.

Реализация целевых установок предполагается в рамках четырех федеральных проектов: «Ипотека», «Жилье», «Формирование комфортной городской среды» и «Обеспечение устойчивого сокращения непригодного для проживания жилищного фонда». Основные механизмы – инфраструктурные и финансово-экономические, однако наибольший интерес представляет механизм развития гражданской ответственности (включение граждан в управленческие механизмы реализации программ пространственного городского развития).

Национальный проект «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы» [4] направлен на развитие предприятий малого и среднего бизнеса, деятельности самозанятых граждан. Исходной целевой установкой при разработке проекта стало увеличение численности занятых в сфере малого и среднего предпринимательства, включая индивидуальных предпринимателей, до 25 млн. человек.

Реализация целевой установки предполагается в рамках пяти федеральных проектов: «Улучшение условий ведения предпринимательской деятельности», «Расширение доступа субъектов малого и среднего предпринимательства к

финансовым ресурсам», «Акселерация субъектов малого и среднего предпринимательства», «Создание системы поддержки фермеров и развитие сельской кооперации» и «Популяризация предпринимательства». Основные механизмы – финансово-экономические, нормативно-правовые и акселерационные (создание систем поддержки предпринимательской активности).

На основе проведенного анализа национальных проектов сферы образования, культуры, жилищного строительства и поддержки предпринимательства нами были выявлены следующие характеристики образа желаемого будущего – итогов реализации комплекса национальных проектов: пространство познания человеком собственных способностей и талантов, возможностей для постоянного развития, участия в процессах формирования комфортного места жительства, реализации собственных идей. По сути это ключевые смыслообразующие элементы просветительского проекта XVII-XVIII века, связанные с верой в возможности человека к саморазвитию в интересах развития общественного. При этом в рамках идей Просвещения отдельное внимание уделялось наиболее целесообразным формам общественного развития и устройства (т.е. основным принципам совместного человеческого общежития), которые не нашли отражения в рассматриваемых национальных проектах. Среди целей национального проекта «Культура» заявлено «укрепление российской гражданской идентичности на основе духовно-нравственных и культурных ценностей народов Российской Федерации», что имеет тенденцию к становлению отправной точки понимания образа будущего, ценностно-смысловым ядром которого являются духовно-нравственные и культурные ценности. Однако сложилось впечатление, что указанный целевой ориентир имеет декларативный характер, так как предлагаемые в национальном проекте механизмы реализации носят сугубо инфраструктурный характер. Многолетняя практика реализации программ и проектов в области культуры убедительно показывает, что создание инфраструктуры для приобщения, понимания и принятия культурных ценностей недостаточно, необходим комплексный подход, включающий механизмы социально-культурного проектирования, исследования культурной идентичности, возвращения специалистов в сфере культуры, культурного образования и пр.

Поверхностный анализ предлагаемых механизмов реализации национальных проектов позволяет выявить следующие положительные тенденции, в конечном итоге «работающие» на достижение образа желаемого будущего:

- направленность на повышение качества жизни, создание комфортной среды, способствующей всестороннему развитию человека и общества в целом;
- активное включение образовательных и просветительских механизмов;

- обновление инфраструктуры обозначенных сфер в целях приведения ее в соответствии с современными запросами;
- поддержка отдельных успешных мероприятий, направленных на качественное обновление обозначенных сфер;
- создание необходимой нормативно-правовой, финансово-экономической и инфраструктурной поддержки частных и локальных инициатив и идей;
- создание экспериментальных площадок для выработки эффективных и инновационных путей развития;
- повышение уровня обратной связи между человеком и государством, принятие необходимости ее внедрения.

Однако отмеченные положительные тенденции нивелируются общими тенденциями к бюрократизации и обусловленности экономическими соображениями, которые направлены в конечном итоге на достижение количественных характеристик, располагающихся преимущественно в области экономического развития. Наличие социально-культурных смыслов (духовно-нравственное развитие личности, реализация творческого потенциала нации и др.) в традиционных социально-ориентированных государственных проектах («Культура» и «Образование») видится нами в необходимости выполнения государством своих социальных обязательств для устранения эффектов социальной дифференциации и обеспечения стабильности общественного устройства. В то же время появление смыслов подобного порядка в традиционно далеких от социально-культурной сферы проектах («Жилье и комфортна среда», «Малое и среднее предпринимательство») свидетельствует не только о наличии существенного запроса на гуманистический вектор развития, но и реальных возможностях воплощения его во всех сферах общественной жизни.

Следует сказать, что классические идеи эпохи Просвещения, которые отчасти можно назвать одним из источников социально-культурных смыслов рассматриваемых национальных проектов, широко распространенных не только среди государственных деятелей, но и исследователей и философов, в XX веке были подвергнуты существенной критике. Например, Т. Адорно и М. Хоркхаймер говорили о том, что идеалы Просвещения с его верой в способность человека к самосовершенствованию и преобразованию общества с помощью разума в конечном итоге привели к идеям тотальности разума, а отсюда – и к тоталитарности современного общества [1]. То есть проект Просвещения в процессе своей реализации воплотился в противоположную самой себе форму. Нам видится, что такой эффект отчасти был связан и с излишней бюрократизацией и систематизацией общественного устройства, говоря о

которых в большой степени обращаются к эффектам индустриализации. Становление индустриального общества сопровождалось существенными изменениями в картине мира, обусловленными формализацией духовного мира человека посредством рационализации и дисциплинализации всех сфер общественной жизни и, как следствие, общественного сознания. Здесь стоит вспомнить идеи Э. Тоффлера об основаниях современного ему общества: концентрация, централизация, синхронизация, стандартизация, специализация и максимизация [6]. Сегодня они продолжают оставаться принципами как оперативного, так и стратегического государственного управления, нивелируя кропотливо встраиваемые в программы развития социально-культурные смыслы. Нет ничего опаснее для свободного творческого духа, чем его стандартизация. Неслучайно стандартизация или механизация стала одним из ключевых характеристик этапа цивилизации, обозначающего, по мнению О. Шпенглера, гибель культуры [9].

Возникает по сути замкнутый круг – социально-культурные смыслы, направленные на преодоление эконоцентричной модели общества нивелируются эконоцентричной логикой. Выход видится в фиксации социально-культурных смыслов национальных проектов (повышение уровня жизни граждан, создание комфортных условий для их проживания, а также условий и возможностей для самореализации и раскрытия таланта каждого человека) не в качестве целей, а в качестве непреложных принципов. Перемещение их в область целеполагания неизбежно ведёт к их дальнейшей интерпретации в логике количественных результатов, из-за чего теряются их смыслообразующие возможности. Принятие же их в качестве принципов реализации государственной политики, всех сфер человеческой деятельности – и общественной и частной жизни может способствовать качественному долгосрочному развитию в логике исторического процесса.

Список литературы:

1. Адорно Т., Хоркхаймер М. Диалектика Просвещения. Философские фрагменты – СПб: Медиум, Ювента. 1997. – 310 с.
2. Национальный проект «Жильё и городская среда». URL: <http://government.ru/info/35560/>.
3. Национальный проект «Культура». URL: <https://www.mkrf.ru/about/national-project/about-project/>.
4. Национальный проект «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы». URL: <http://government.ru/info/35563/>.
5. Национальный проект «Образование». URL: <https://edu.gov.ru/national-project/>.

6. Тоффлер Э. Шок будущего = Future Shock, 1970. М.: АСТ, 2008.- 560 с
7. Трубецкая А.Ю. Государственная культурная политика как фактор модернизации современной России: автореферат дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11. – Москва, 2016. – 22 с.
8. Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2018 № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/43027>.
9. Шпенглер, О. Закат Европы: Очерки морфологии мировой истории. Т.1 Образ и действительность / О. Шпенглер; пер. с нем. Н.Ф. Гарелин. – Минск: Попури, 2009. – 656 с.

КАКИЕ ЦЕННОСТИ ТРАНСЛИРУЕТ НОВЕЙШАЯ РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА?

О.С. Крюкова

Под новейшей русской литературой принято понимать литературные произведения начиная с 1990-х гг. Для каждого десятилетия почти 30-летнего периода характерны отличительные особенности, которые особенно ярко проявились в русской литературе 1990-х гг. (отсутствие прежних запретов идеологического характера, иллюзия вседозволенности, поток «чернухи», т.е. «неонатурализм»), но постепенно литературный процесс обрел определенные художественные границы и институциональные рамки (продолжали выпускаться «толстые» журналы, появлялись новые литературные объединения и творческие союзы) [см. 2; 5]. Следует сразу заметить, что речь пойдет ниже не о массовой литературе, которая стала серьезным конкурентом классике и добротной беллетристике. Но и безоговорочно присваивать статус классических произведений той или иной повести или роману было бы преждевременно. «Что в сегодняшней художественной культуре будет со временем претендовать на статус классики, а что сохранится лишь в качестве «эмоциональных подробностей» эпохи и будет интересно лишь будущим историкам, станет музейным реквизитом прошлого?», – небезосновательно задает вопросы без ответа А.В. Леденев [2: с. 5].

В современной русской литературе сосуществуют различные художественные тенденции как реалистического, так и нереалистического характера. Репрезентация традиционных духовных ценностей связана в большей степени с литературными произведениями, написанными в русле реалистического подхода, причем к понятию «реализм» могут добавляться различные уточняющие определения (например, неореализм, «новый реализм» или даже постреализм, соединяющий реализм и постмодернизм).

Как бы то ни было, в центре внимания многих современных авторов оказывается семья, более того, ряд произведений написан в русле семейного романа («Казус Кукоцкого», «Медея и ее дети», «Искренне ваш Шурик» Л. Улицкой). Однако кризис духовно-нравственных ценностей не мог не отразиться на семье. Семья в произведениях современных русских писателей чаще всего неполная, либо находится в состоянии кризиса. Это относится ко многим произведениям Захара Прилепина и Юрия Полякова. Особенно ярко семейное «нестроение» проявилось в повести Павла Санаева «Похороните меня за плинтусом». В этом отношении произведения новейшей русской литературы можно сравнить с русскими реалистическими романами 1870-начала – 1880-х гг., где также запечатлен острый семейный кризис («Анна Каренина» Л.Н. Толстого, «Господа Головлевы» М.Е. Салтыкова-Щедрина, «Братья Карамазовы» Ф.М. Достоевского и др.).

Молодые герои Захара Прилепина и Павла Санаева в душе ощущают ценность семьи как социального института, но сама модель семьи, которую они наблюдают, крайне несовершенна, ущербна. В повести П. Санаева «Похороните меня за плинтусом», написанной по сюжетной канве горьковского «Детства», где властная и безумная бабушка борется с собственной дочерью за право воспитывать ребенка. У героя романа З. Прилепина «Санька» отец, доцент университета, умер от пьянства, а с матерью Саша, не получивший высшего образования, ощущающий себя «дворянжкой», не делится своими планами и переживаниями. «"Если ты меня любишь – не мешай мне..." – сказал он матери когда-то. Но она мешала. И он перестал ей говорить что-либо, скрывал от нее почти все. Но она догадывалась, конечно» [4: с. 162]. Воспоминания о нормальной семье есть только у его бабушки и дедушки, но старшее поколение оказывается не в состоянии транслировать внуку ценности «прежней жизни»: «Бабушка любила сыновей. Саша был для бабушки невнятным напоминанием о том времени, когда семья была полна и сыны жили. Но она не в силах была наделить Сашу чертами его отца, почувствовать в нем свою – отданную сыну и проросшую во внуке – кровь. Саша был отдельным человеком, почти уже отчужденным...» [4: с. 49]. Не ощущающий живительной связи с семьей, с родом, Саша выбирает радикальный путь отрицания общественных институтов. «В романе «Санька» З. Прилепин противопоставляет ценности общества ценностям главного героя романа. Главный герой ... не понимает и не хочет понять, как и зачем действуют те или иные социальные механизмы», –отмечает Л.А. Калининченко [1: с. 126]. Смыслом жизни для героя этого романа становится борьба ради борьбы, не имеющая конструктивной программы. «Увязая в слепой борьбе за несуществующие идеалы» [1: с. 127], он гибнет, и его смерть ставит точку в череде смертей мужчин рода, который некому продолжить. Конец этого романа пронизан социальным пессимизмом.

К осознанию жизни как ценности герои современной литературы, переживающие экзистенциальный кризис, приходят путем проб и ошибок, и в этом они принципиально не отличаются от героев классических произведений, меняются лишь обстоятельства и условия жизни. «Обличению нынешних

обывателей, пошлости и бессодержательности их «серенькой» жизни, проблеме подлинных и мнимых жизненных ценностей посвящены произведения В. Маканина, С. Есина, В. Пьецуха», – подчеркивает А.А. Малиновская [3: с. 1276]. Аналогичные проблемы были в свое время поставлены в произведениях М. Горького, А.П. Чехова, А.И. Куприна. Можно лишь отметить такое различие между произведениями начала XX и произведениями начала XXI в., как масштаб героя. Так, инфантильный герой второй части дилогии Павла Санаева – «Хроники Раздолбая, или Похороните меня за плинтусом-2» находится в процессе самоидентификации. Трудности взросления, наложившиеся на период перестройки с его лишениями материального плана, приводят героя к поиску цели и смысла жизни. Экстравагантное пари в конце произведения не просто проверка на взрослость, а своеобразный тест на зрелость личности.

Проблемы отцов и детей в новейшей литературе, как и в литературе классической, находятся в аксиологической плоскости. Несовпадение жизненных устремлений, ценностей, идеалов, а иногда и их полное отсутствие – вот что разделяет современные поколения русских людей, многим из которых в конце прошлого века «навязывались чуждые социальные ориентиры и нравственные ценности, связанные с новой идеологией – индивидуализма и власти денег» [6: с. 142]. Обретение утраченных нравственных ценностей идет параллельным путем с поисками современной литературой нового героя времени и новой концепции личности.

Список литературы:

1. Калиниченко Л.А. Особенности представления ценностей социальной системы в современной русской литературе (на примере романов Захара Прилепина) // Научный сибирский альманах. 2014. № 3-4. – С. 123-130.
2. Леденев А. От редактора // Флора Наджи (Флора Султан гызы Наджиева). Русская литература сегодня. Очерки о новейшей русской литературе. Учебное пособие. – Баку: Мутарджим, 2015. – С. 5-7.
3. Малиновская А.А. Ценностный подход в изучении литературы // Конференции АСОУ: Сборник научных трудов и материалов научно-практических конференций. 2016. № 2.- С. 1275-1279.
4. Прилепин, Захар. Санька. М.: Издательство АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2016.- 416 с.
5. Степанов А.Д. Созидание через разрушение: русская литература 2000-х годов // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 6.- С. 1335.
6. Тараносова Г.Н., Лелявская М.Г. Формирование духовно-нравственных ценностей читателя в процессе изучения современной русской литературы // Волжский вестник науки. 2017. № 4-6 (8-10).- С. 142-144.

ВЛИЯНИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ПСИХОЭКОЛОГИЧЕСКОЙ НИШИ НА ЛИЧНОСТЬ

М.А. Джерелиевская

Понятие психологической ниши, зародилось в рамках психологического подхода, междисциплинарного направления в науке на стыке экологии психологии и философии. Его основы были заложены в трудах Дж. Гибсона в конце 60-х гг. XX века в рамках экологического подхода к зрительному восприятию. В нашей стране развитию данного направления во многом послужили работы С.Д. Дерябо и В.А. Ясвина, которые рассматривали экологическое сознание в качестве предмета экологической психологии в социогенетическом, онтогенетическом и функциональном аспектах [1]. В настоящее время немало исследователей развивают данное направление в самых различных сферах прикладной науки, таких как исследования в области психологии стресса, архитектуры, домашней среды и другие. И понятие среды окружения, среды обитания, в которой живет человек, сочетающей в себе все возможные условия и обстоятельства: и физическое, и психологическое, и социокультурное измерение, является центральным для данного подхода.

Психологический подход, связан и с полисистемным представлением о функционировании и самореализации личности, истоки которого закладывались в отечественной психологии Б.Ф. Ломовым в рамках системного подхода. В частности, он считал важным изучать психику «в том множестве внешних и внутренних отношений, в которых она существует как целостная система» [3, с.67].

Среди наиболее значимых теоретических основ психологического взгляда на личность можно также обозначить культурно-историческую теорию Л.С. Выготского, концепцию субъективной психологии С.Л. Рубинштейна, идеи жизненного пространства К. Левина, представления о развитии личности Л.И. Анцыферовой, идеи о средовой обусловленности личности в трудах У. Бронфенбреннера, Дж. Вулвилла, Р. Соммера, теорию персонализации среды Хейдметса, Ю. Круусвалла, Т. Нийта;, а также теорию психологического пространства личности С.К. Нартовой-Бочавер, и некоторые другие теории.

Вслед за указанными исследованиями, мы ассоциируем психологическую нишу «как целостное образование, интегрирующее внутренние и внешние условия, определенным образом взаимодействующие и создающие успешное индивидуализированное воплощение субъекта в мире. Она уникальна, неповторима и поддерживает автономию, позволяя не смешиваться внутреннему и внешнему. Конкретно это выражается в том, где и как человек существует, каким образом он реализует различные виды деятельности

(профессиональную, социальную, рекреационную), каковы его представления (когниции) об этом, то есть, образ мира и образ Я; его личностные черты, которые требуются для реализации разнообразных задач, его особенности переживаний, отражающие интенциональные компоненты, его межличностные контакты и т.п.» [2, с. 180]. Близким по смыслу, является понятие психологического пространства, понимаемое «в самом общем виде ...как значимый фрагмент бытия, определяющий актуальную деятельность и стратегию жизни человека и защищаемый им доступными физическими и психологическими средствами. Психологическое пространство — это форма развития и выражения субъектности человека» [4, с.4], в котором автор выделяет шесть эмпирически установленных ключевых измерений психологического пространства личности, в частности: физическое тело, территория и время, личные вещи, привычки, друзья (социальные связи) и вкусы (ценности). Объединяя их в два основных класса – физические и социально-духовные, он также указывает, что эти измерения могут наблюдаться не у всех людей, что допускает их дополнение какими-то другими измерениями. Принципиальной особенностью психологического пространства, «является его самокомпенсация, базирующаяся на взаимобратимости измерений: ведь вещи — это не только орудия деятельности, но и носители символического смысла, а круг знакомых может изменять территорию жизнедеятельности» [4, с.101].

Следуя идеям культурно-деятельностного подхода Л.С. Выготского и А.Н. Леонтьева, психозэкологическая ниша представляет собой интериоризованную и персонализированную часть среды, которая реализует предпочитаемые субъектом и освоенные им отношения с миром, включая социальные, физические (территориальные), духовные, их взаимопроникновение и трансформации. Поэтому реализация потребности определения границ Я, суверенности психологического и физического пространства, суверенности ценностей и смыслов, верований, суверенности связей с другими создают возможность самого существования человека как социального существа и реализуют основную функцию психозэкологической ниши.

И здесь наши представления вновь перекликаются с идеями относительно обобщенных функций способности человека отстаивать суверенность ценностей, состоящих, по мнению С.К. Нартовой-Бочавер [4, с.4] в обеспечении:

- экзистенциальной уверенности (свободы, осмысленности, ценности собственного бытия);
- исследовательского и творческого отношения к собственной жизни;
- критичности к идеологическому воздействию;
- субъективного контроля и личной ответственности.

Все перечисленное определяет чувство единичности Я, чувство самоидентификации, чувство последовательности Я и чувство принадлежности к чему-то, что понимается как Я, что называется самоидентификацией. А происходит самоидентификация исключительно в контексте отношений с социумом.

И если психологическая ниша субъекта не подвергается грубому вмешательству извне, резкой и быстрой трансформации или, в худшем случае, разрушению, то субъективно внутренние инстанции и указанные функции находятся в некоторой гармонии, спектр переживаний вполне комфортный.

Однако любое покушение на суверенность психологической ниши, как целостного образования, приводит к развитию стресса, а следом и психологического неблагополучия, вплоть до потери чувства реальности и самопонимания; возникает серьезная внутренняя дезинтеграция. И последствия этого могут быть самыми разными. Если, указанные нарушения ситуационные, ограниченные во времени, то они естественным образом преодолеваются, но, если вторжения длительные, хронические, даже при некотором сохранении психологической ниши, то это приводит к стойким негативным психологическим изменениям и серьезным дезадаптациям.

При этом степень нарушения психологического пространства может различаться, как по содержанию, так и по особенностям внедрения в указанные нами сферы, и по силе воздействия, и по последствиям разрушения. Например, по содержанию можно различать воздействие на тело, лишение человека личной территории, права на личные вещи, возможности определять режим жизни и последовательность действий, а также выбирать круг знакомых и систему ценностей. Но в целом, при адекватном устройстве, опирающемся на модель организации общественной жизни, отражающей органическую связь с традиционной отечественной культурой, а именно, на приоритет бытийных смыслов над потребительскими, социум поддерживает возможность личности реализовывать эти смыслы, обретать адекватную самоидентификацию и находить среди широкого круга возможностей собственную психологическую нишу.

Анализируя реформы, проводимые в России, и направленные на «повышение эффективности общественного устройства», оптимизацию в различных сферах человеческой жизни, и, в частности, их цифровизацию, которая сейчас буквально насильственно внедряется под эгидой всеобщей самоизоляции и карантина, связанных с так называемой «пандемией коронавируса», очевидным становится серьезное дезадаптивное влияние на личность всего происходящего. Происходит разрушение психологической ниши, как отдельного человека, так и мира в целом.

Достаточно задаться вопросом – а какие ценностные образы личности стоят за этими изменениями, и станет ясно, что они опираются на особого типа мировоззрение информационного общества – постмодернизм, фундаментальным принципом которого является плюрализм, предлагающий широчайшие возможности выбора, но приводящий к утрате устойчивых ценностных координат и разрушению моральных норм, добродетелей. Мир обретает мозаичный, мультикультурный характер.

Принцип плюрализма, лежащий в основе постмодернизма, разрушая ценностные вертикали, порождает серьезную проблему выбора, так как декларируемый принцип равнозначности всех возможных альтернатив обесмысливает выбор вовсе. И если все альтернативы равнозначны, то стирается множество сущностных граней – между добром и злом, между «быть и иметь», между реальностью и виртуальностью, реальным поступком и его симуляцией. А отсутствие ключевых моделей и критериев выбора приводят к трудностям самоидентификации в целом, размытости, потери образа Я. В этом кроется механизм идеологического влияния на личность и ее психоэкологическую нишу. За «цифрой» уже не остается места человеческой сущности, состоящей в творческом обращении к реальности и смыслообразовании. Вместо них все определяют алгоритмы, схемы. Но они – ничто, без мотивов и ценностей, без смысловых установок. Индивидуальность и субъектность, а значит, способность жить и понимать «зачем?» существуют только тогда, когда есть «во имя чего». И тогда не страшно двигаться против течения и видеть более широкие горизонты.

Пойдем дальше. Текущая ситуация обретает еще один важный аспект – манипулятивный. Например, термин самоизоляция, который стал ключевым в определении поведенческой стратегии всего мира, подразумевает совершенно иной смысл, нежели это позиционируется. Он предполагает глубоко осознанный поступок произвольного ухода от контактов с внешним миром, например, как уходят затворники для молитв, служения Богу и духовного роста. А то, что сейчас именуют самоизоляцией, достигается насильственно, под страхом штрафов и даже уголовной ответственности за ее нарушение. О какой же собственной воле может идти речь? Находясь в постоянном страхе заболеть, умереть (что активно внушается, подчас без достаточных на то оснований), или же нарушить правила самоизоляции и т.п., многие постепенно теряют способность критически мыслить, теряют волю самостоятельно и осмысленно действовать, погружаясь в депрессию и подчиняясь воле тех, кто ими манипулирует. Другие же, наоборот, демонстрируют жесткое протестное поведение в ответ на любые формы ограничений, что также является результатом манипулятивных провокаций.

Двусмысленность так же имеет место в том, как реализуется удаленная работа в режиме самоизоляции. Так, многие вынуждены «выходить в эфир»,

совершенно не остается личностного пространства, где человек может быть предоставлен себе, своим делам, мыслям и т.д. Необходимость постоянно «быть на связи», отвечать по первому запросу коллег и руководства, большую часть времени находясь за компьютером, приводит к дистрессу. Не говоря о том, что вся страна наблюдает за тем, какой у кого интерьер дома, и т.д. Это начинает напоминать некогда крайне популярные шоу, вроде «Зеркала» и др., которые в текущий момент составляют большую часть жизни «самоизолировавшегося» населения.

Проиллюстрируем данный тезис и собственными научными данными.

В частности, проведенное нами исследование, связанное с изучением содержательных аспектов и диагностических возможностей шкал показало крайне интересные результаты [5]. При сравнении данных, полученных с помощью популярного в России и за рубежом Миннесотского многофазного личностного опросника (версия ММИЛ Ф.Б. Березина) на независимых выборках в 1977, 1999, 2009 годах, показало серьезные личностные и поведенческие изменения. Напомним, что 1977 год – относился к периоду «глубокого застоя». Жизнь большинства шла «по плану» без резких изменений и по заранее простроенному сценарию. Психологические ниши большинства граждан не подвергались серьезным трансформациям в силу стабильности и предсказуемости будущего. Совсем другая картина наблюдалась в 1999 года. Период тяжелейшего кризиса, связанный с дефолтом и обнищанием большинства населения России, потеря привычного образа жизни, работы, или необходимость работать без выходных на нескольких работах, чтобы «прокормить семью» и расплатиться с долгами. Эта ситуация приводит к расцвету криминала: бесконтрольная торговля некачественными и опасными для здоровья товарами, мошенничество и грабежи и т.д. Страхи быть обманутым, «выброшенным из привычной колеи», и даже убитым, в недавно еще стабильном и предсказуемом сообществе нарастают. Люди стараются выживать: кто как может. Психологическая ниша большинства людей, очевидно, подвергается серьезному негативному воздействию. 2009 год относится уже к другому периоду, называемому «тучные двухтысячные». Кризис, который уже «накрыл» западные страны, к России только «подбирался». Но здесь, памятуя о 90-ых годах, большинство людей стало привыкать к длительным трудностям, неожиданным и постоянным нововведениям, о чем свидетельствуют наблюдаемые личностные изменения. В итоге было установлено, что у мужчин за 10 лет (с 1999 и по 2009 г.г.) повысился уровень тревоги, готовность к возникновению тревожных реакций, аутизация (малое общение), а также уровень конформизма. У женщин наблюдался рост депрессивных тенденций, стремление представить себя в возможно более выгодном свете на основе строгого соблюдения социальных норм. Наиболее

интересной динамикой в 2009 году является изменение показателя по шкале женственности, что можно объяснить следующим образом: женщины в 1999 году в среднем демонстрировали меньшую женственность: большую непринужденность и уверенность в себе, предприимчивость, доминантность и гетероагрессию. Возросшая выраженность феминизации женщин в 2009 году в сравнении с 1999 годом, очевидно, отражает реальные изменения в гендерных поведенческих стереотипах популяции. Однако в 1977 году женщины демонстрировали еще большую степень выраженности «женственности», чем в 2009 году. Также в 2009 году наблюдалось увеличение средних показателей активности, экстраверсии, аутичность при наличии необычных мыслей, ригидность аффекта. Эти результаты наглядно показывают, что стойкие воздействия и трансформации психоэкологической ниши могут сильно влиять на поведенческие паттерны и личностные проявления. Аналогичное измерение, но на меньшей выборке было нами зафиксировано и в 2014 году, «на пике худших кризисных ожиданий и реалий, санкций и встречных санкций, максимального падения цен на нефть и т.д.». Можно только с опасением предполагать, что нас может ожидать на исходе 2020-го года.

Близкие по смыслу результаты были получены в исследованиях и других ученых [4], изучающих депривацию важных для личности мотивов. На основании чего напрашивается вывод, что депривация приводит к изменению основных личностных качеств и установок в сторону нарушения логики пола: у мужчин это – феминизация. Другая форма искажения поведенческих паттернов у мужчин при депривации – это усиление агрессивно-дезадаптивного характера. Во всех случаях наблюдается уход от умеренных социальных эталонов полоролевой идентичности. Практический вывод из обнаруженных вполне ожидаемых результатов состоит в том, что обеспечение суверенности психологического пространства, особенно с учетом гендерных предпочтений его измерений, может рассматриваться как важное условие успешной психоразвивающей работы и естественной гармонизации личности

Отметим, что наше исследование проводилось на здоровых, социально адаптированных испытуемых с высшим образованием. Но если бы в наших выборках преобладали психологически неустойчивые и не вполне адаптированные испытуемые, картина личностных трансформаций могла оказаться более серьезной. Смеем предположить, что имели бы место яркие патохарактерологические проявления (шизоидные, психопатические, паранояльные, истерические), красочной иллюстрацией которых могут служить выложенные в Интернете ролики расстрела «слишком шумных» соседей, которые громко разговаривают у подъезда дома, или драки со стрельбой водителей, не поделивших проезжую часть. В итоге, нарушение психоэкологической ниши,

приводящее к депривации актуальных мотивов могут приводить к увеличению антисоциального поведения и резкому снижению социальной безопасности в социуме.

Поэтому актуальной является задача постоянного мониторинга степени разрушения традиционных психэкологических ниш, приводящих к дезадаптации и потере системы координат, а также задача использования данной информации для экспертизы управленческих решений и адекватного освещения их в СМИ.

Список литературы:

1. Дерябо С. Д., Ясвин В.А. Экологическая педагогика и психология. – Ростов-на-Дону: Издательство «Феникс», 1996. – 480 с.

2. Джерелиевская М.А. Психэкологическая ниша и особенности личностной типологии// Социально-гуманитарные знания. № 4. 2019. – С. 179-192.

3. Ломов Б. Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. – М.: Наука, 1999. – 350 с.

4. Нартова-Бочавер С. К. Психологическое пространство личности: Монография. — М.: Прометей, 2005. — 312 с

5. Dzherelievskaya M.A., Vizgina A.V., Pantileev S. R., Yashina L. L. A substantial psychometric analysis of the scales of the Minnesota Multiphasic Personality inventory: f. V. Berezin's version, the MMil // Psychology in Russia: State of the Art. Volume 7, Issue 1, 2014. – С.105-121

**ВОССТАНОВЛЕНИЕ ПОЧВЫ:
ПРОГРАММА ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКОГО СУБСТАНЦИАЛИЗМА
А.С. Тимощук**

Человек! Не преступай за своё Бытие!

Цель статьи – познакомить с манифестом феноменологического субстанциализма нижегородского философа В.А. Кутырёва, опубликованного в виде его новой монографии «Сова Минервы вылетает в сумерки» [4]. Новая книга В.А. Кутырёва – это не просто очередная порция критики информационно-символического общества, в ней много хорошей философии, переосмысления и реактуализации узкого пути между агностицизмом и технократизмом, реизмом и структурализмом.

Кутырёва волнует уход от целостности жизни, её подмена математизацией, химизацией, информатизацией бытия; превращение в самоцель частных технологий в надежде, что они дадут изобилие; угроза подмены реальности функциями и методологиями.

Если философия не прекратит своё увлечение редукционизмом, она потеряет связь с реальностью, её обгонит искусство, которое порой более точно и целостно передаёт реальный мир, нежели однобокие философские конструкты.

Кумулятивная работа волжского оракула привлекает не столько уже известным пророческим пафосом экспансии техносферы, сколько неброскими рассуждениями о проблемах поддержания устойчивого порядка. Кутырёв В.А. формулирует ясное и экофильное послание: нельзя допустить, чтобы сложность цивилизации, реализуемая на нано-, микро-, мега- и ино- уровнях, совсем поглотила простоту макромира, изначальную и естественную обитель бытия. Наш исходный дом сущего просто нужно сохранить. Философия самосохранения формулирует в качестве первостепенной задачи поддержание и обслуживание приюта жизненных миров *homo sapiens* на Земле. Мимоходом артикулируется важное определение гуманизма как приведённого к мере человека [4, с. 105]. Плодотворно формулируется множество идей в самых разных областях философии.

Духовность не зря часто связывается с религией, ибо в последней передаётся практика самоограничения и жертвенности. Вертикаль духа выносит обыденные отношения на трансцендентную проекцию. Иисус искупает род человеческий, это Вселенское служение. Сатана – это просто эгоист, принцип служения себе, а *homo economicus* – это деятельный человек, которого не прельщает благочестивая скука рая [4, с. 400].

Принцип служения пронизывает все осмысленные виды отношений – дружба, любовь, патриотизм, верность. Быть для другого. Философия без религии – спекуляции, а религия без философии – фанатизм. Они дополняют друг друга. Автор допускает существование светских форм духовности, но отмечает, что бережную передачу жертвенности и самоотречения осуществляет именно религия, где сама литургия – это служба и благодарение. Иисус принимает жертву за род человеческий. Закон служения – внутренняя сущность мира (дхарма, дао, маат) превосходит конкретных богов.

Волжский традиционалист заключает союз с религией против свободы творчества. Обезбоженная цивилизация занята игрой ума. Она слишком деятельна, чтобы прельщаться однообразием религии. Это посттрадиционное общество, система всеобщей полезности. Традиционное общество закрыто фильтрами духовности, культуры, верований, авторитета, морали. Рыночное общество осуществляет постепенную деконструкцию этих регуляторов и

предрассудков. Социалистические общества с точки зрения фильтров были традиционными. Однако сейчас они также разложились под влиянием прибыли, рынка, выгоды. Кутырев выступает за монашество в миру, когда верующий решает житейские вопросы, при этом тянется вверх к воображаемому идеалу.

Мыслитель примиряет эволюционистскую и религиозную версии происхождения человека. Они едины в том, что человек – это уникальный феномен, ценность бытия, микромир и Вселенная, носитель свободы и мера вещей, субъект, дающий смысл. Венец философии – это антропология с её тезисом, что в любой системе мышления человек находится в центре дискурса как неявное означаемое.

«Сова Минервы» продолжает экспонирование скудости постчеловеческой информационной реальности, начатое в ранних публикациях [1, 2, 3, 5, 6, 7]. Актуальной формой антропологической теории автор провозглашает творчество С.С. Хоружего, который, как и Кутырёв, предупреждает об опасности пересечения антропологической границы, а в качестве ориентира духа для человека указывает на личную духовную практику. Человек не может осуществиться без духовной подпитки молитвы, медитации, исихазма, литургии, нирваны и т.д. Опора на духовную практику – вот энергичная антропологическая парадигма. Ради своего спасения человеку надо стать Богочеловеком [4, с. 461].

Онтология почвы. Одна из задач книги «Сова Минервы» – охрана вещно-событийной реальности, критика бездумного научно-технического конструктивизма, неограниченного творчества, изобретательности в духе «инонизм». Угроза бытию – это его редукция до репрезентизма, функционализма, коммуникативизма, когда мир-текст не вещь, не система, не субъект и не их отражение, а пересекающиеся связи и отношения.

Мыслителя тревожит тенденция к распредмечиванию, преобразование структурно-субстратного подхода к миру в системно-функциональный, изгнание субстратности и её замещение функциональностью и структурностью. Предметы не должны быть точками пересечения функций и системных связей, а математизация науки не есть индикатор её высокого развития.

Онтологическая программа Кутырёва проста и традиционна как и вся его система: 1) сознание есть мышление, 2) человек мыслит, 3) человек есть субъект, 4) человек существует, 5) человек должен продолжить своё существование (4, с. 428].

За этим стоит глубокое антиредукционистское и антиспекулятивное начало: не измышлять, не позёрствовать, не фразёрствовать, не подтачивать основы бытия, не ниспровергать homo genus.

Главный модус автора – деонтологический. Сопrotивляться становлению обезличенного робототехнического предметного мира! Не отделять мышление от сознания! Не превращать жизнь в схему!

Взятые отдельно ни реизм, ни атрибутивизм, ни релятивизм мира не описывают. Признание единства и связи различных характеристик бытия надо доводить до признания их взаимопревращаемости. Это самое глубокое проявление его динамического единства [4, с. 19].

Материализм соперничал с идеализмом всю классическую (модернистскую) эпоху и начал утрачивать влияние, когда наука обратилась к исследованию «невидимых» миров, микро и мега реальностей и отношений, т.е. превратилась в неклассическую. Кризис философии происходит не оттого, что естествознание стало материалистичным, а оттого, что оно стало слишком виртуальным и знаковым, занявшись математическими бозонами Хиггса вместо тел, информацией вместо кинематики и дифракции.

Вслед за «материей» куда-то исчезает и «идея», идеальное. В «Новой философской энциклопедии» (М., 2001), например, идеализму уделена одна! страница, а слово «идеальное» отсутствует вовсе!! [4, с. 209]

Бытие и сознание суть континуальное тождество. Бытие включается в сознание, а сознание – в бытие. Бытие-сознание. Это и есть феноменология почвы. Таковость. Догма догм, которая ниоткуда не выводится. Как теофания, которая не требует доказательных характеристик Бога.

Цель книги, как и всегда, – спасение Человека. Разница в деталях, если ранее Владимир Александрович спасал от техники, от пустоты, от прогресса, здесь он спасает от самоапокалипсиса, эсхатологической рукотворной трагедии. И как философ находит философскую причину этой суицидальной опасности, – Иммануила Канта, запустившего обратный отсчёт человечеству. «Критику чистого разума» Кутырёв называет «спекулятивно-философской атомной бомбой в сфере духа» за то, что она уходит от земного в мысленное гипотетическое пространство [4, с. 13].

В. А. Кутырёв пишет картину самоапокалипсиса человечества крупными мазками. Здесь Галилей, Кант, Маркс – провозвестники и инсталляторы математически-формализованного мира, а М. Фуко и Л. Альтгуссер – оракулы теоретического антигуманизма, процесса без субъекта. Но простим алармистский пафос, свойственный ему. При угрозе робофилии, техносексуализма и техноложества все меры сопротивления пригодны!

Кутырёв перелицевал Пелевина из прогрессивистов в консерваторы за высказывание об опасности Иного света в книге «Ампир В»: «Когда-то звезды в небе казались мне другими мирами, к которым полетят космические корабли из Солнечного города. Теперь я знаю, что их острые точки — это дырочки в броне,

закрывающей нас от океана безжалостного света... Спешите жить. Ибо придет день, когда небо лопнет по швам, и свет ярости, которого мы не можем себе представить, ворвется в наш тихий дом и забудет нас навсегда» [4, с. 17]. Сам Кутырёв называет признаки этого безжалостного света Люцифера – прозрачность и наблюдаемость, технологическая глобализация.

Кутырёв В.А. даёт сжатое понимание, что есть ноосфера в её диалектическом понимании. В этом концепте – целый клубок рациональных и иррациональных представлений. Автор стремится преодолеть историческое идолопоклонство и вычленяет в ноосферизме рациональное, критикуя мифологическое. Основная проблема ноосферизма – слияние онтологических и аксиологических моделей. Признание ноосферизма новой безупречной иконой для поклонения, противоречило бы диалектике жизни, заслонило бы его недостижимые, дезориентирующие аспекты. Главную опасность автор усматривает в том, что техносфера сегодня вытеснила социальные ожидания суровым прагматизмом давления на биосферу.

Утверждение феноменологии. Пожалуй, самая большая ценность новой книги В. А. Кутырёва заключается в авторизации феноменологии как генеральной линии жизнеутверждающей философии XXI века. Изучение сознания как чистой, априорной, трансцендентальной реальности, его структуры, интенциональности – это не только вечный вопрос для человека. В условиях прогрессивизма и этического нигилизма философия сознания становится путеводной звездой цивилизации. Научным языком Гуссерль возвращает нас к основам бытия, осуществляя выход за психическое и телесное. Можно только согласиться, что М. Хайдеггер сделал из феноменологии почвенническую поэзию.

Не согласен, что трансцендентализм Гуссерля можно обвинить в настоящей экспансии информационно-компьютерных технологий. Тогда уж нужно поднять на суд идеи Р. Луллия, Б. Паскаля, В. Лейбница. Непосредственно в самой программе дигитализации Гуссерль не принимал участия. Ж. Жаккар, французский изобретатель самодействующего ткацкого станка, считывавшего программу с перфокарты для выполнения узоров на ткани, «виновен» в цифровизации экономики гораздо больше Гуссерля.

Новый проект философии а-ля Кутырёв начинается с феноменологии как раздела, синтезирующего все философские идеи в классическом и исправном порядке: от сознания до этики и от онтогносеологии до антропологии.

Хочешь познать Хайдеггера – читай Кутырёва. Кутырёв – тоже феноменолог, но хайдеггерианский. Феноменолог словесности и духа. Он даёт перевод феноменологического как «непосредственное, изначальное, не опосредованное, ничем не экранированное», сопоставляет с «само-по-себе-себя-

кажущее» Хайдеггера. Здесь мир предстаёт человеку через его телесность, общение с другими, переживание и входящее живое знание.

Кутырёв противопоставляет эту феноменологию дигитально-гуссерлианской. Хайдеггер – почвенническая, традиционная феноменология. Гуссерль – редукционно-информационная. Хайдеггер – за несокрытость бытия, за веру и любовь. Гуссерль – за формализацию и математизацию. У Хайдеггера – феномены суть истина чувств. У Гуссерля – абберация.

Бытие становится наивно несокрытым. Оно просто есть. Вот-бытие. Dasein. Видимость и сущность не нужно различать. Кант был не прав, а Ницше прав. Бытие зовёт и дышит. Оно очевидно и не требует разделения на субстанцию и феномен. Предвечно и ниоткуда не выводится.

Онтофания переходит в теофанию и даёт особое догматическое богословие, третий путь между апофатикой и катафатикой. В число представителей реальной феноменологии Кутырёв записывает Гартмана, Ингардена и Я.Э. Голосовкера. Они же суть стражи бытия, различающие в нём слои и уровни. Из представителей литературы он называет Марселя Пруста, стремившегося удержать непосредственное переживание мира вопреки контролю рассудка.

Жизненный мир, вышедший из фундаментального философствования, открывает философско-антропологические перспективы. Кутырёв выводит жизненную концепцию истинности: чем ближе к человеку и миру, тем более истинна теория. Знание должно быть продуктивным, а не просто изошрённо-абстрактным. Не всё, что научно – адекватно. Средства познания должны соответствовать предмету познания. Присутствие и причастие – вот опора жизненной феноменологии.

Жизнь, практика, человек, природа – все эти данности выше теории и не обязаны заниматься апологетикой. Реалистическая феноменология исполнена чувств и воображения, близка к антропологии и метафизике, мифологии и поэтике, истории и традиции, экологии и гуманизму, т.е. всему, что способствует выживанию человека.

Философия, обслуживающая науку, – это тупик. Человечество должно ориентироваться на стратегию феноменологического *субстанциализма* как Абсолюта, на идеал бесконечного продолжения своего Бытия.

Искусство и смысл философии. В новой публикации неослабевающей критике подвергаются сателлиты технико-атеистического бессмертия: технократизм, трансгуманизм, инновационизм, прогрессивизм, дигитализация, редукционизм, виртуальный полионтизм, когнитология, деконструкция, гипермодернизм, логоцентризм. Разделяя озабоченность по поводу устойчивости развития цивилизации, хочется заступиться за полионтизм, гетерономность, континуальность и комплексность как за атрибуты, которые нужны философии и

миру. Они не умаляют жизнь, хотя могут представляться угрозой обжитому миру. Предлагаю нижегородскому блюстителю традиции допустить множественность, длительность и многоаспектность добра.

Критикуя постмодернизм, В.А. Кутырёв активно использует все его инструменты, эксплуатируя короткие предложения, зачёркивания, многозначность, речёвки, закавычивание, скобки, слешы, иронию и сарказм, неологизмы и омофоны, аббревиации и латинизмы, фигуры и графемы, анафоры и оксюмороны, аллюзии и игру, гипертекстуальность и метатекстуальность, каприз и блеск. От этого текст становится / лёгким / непроходимым, насыщенным / минималистским, аппетитным / неудобоваримым, каким и должен быть антипостмодернизм.

Литературный стиль подачи философии – это конёк В.А. Кутырёва. Автор ведёт текстуальную игру с читателем, приглашая его иногда сделать кофе-брейк в мир-письме «Вселенная Кутырёва». Кто он? Постмодернист? Марксист? Левый консерватор? Традиционалист? Полемизм и открытость его текстов всегда оставляют место для гаданий. Следуя автореференции игрового дискурса, он перекладывает часть ответственности на читателя.

Не является ли антогонист таким же текстурбатором как и те агенты философско-спекулятивных схем рассуждения, которых он разоблачает? Семантика грамматических конструкций автора позволяет дать негативный ответ. Его методу можно дать название «антипостмодернизм», где намеренное применение постмодернистских приёмов носят цель срубить дерево его же черенком. Он бьёт врага его же оружием. Поскольку новые идеологии, как правило, агрессивны и стремятся к «абсолютизации» [4, с. 456], антидискурс Кутырёва тоже воинственный, но не циничный. Мыслитель исповедует старое кредо философии – служить благу человека, видеть и указывать на aberrации. Постмодернизм эксплуатирует идеи классической и неклассической науки, ткёт платье для голого короля из интеллектуальных уловок и отсылок. В то время как Кутырёв представляет тип добросовестного мыслителя, убирающий усы с Мона Лизы, восстанавливающий бороду Марксу и платье королю. Науке следует служить не только достоверности познания, но и благу [4, с. 462].

Социальная философия и пределы техники. Тема общественных векторов развития, после человека, является не менее важной для Кутырёва. Общество – это мегачеловек. Животворящая троица философии – это Природа – Общество – Личность. Они воплощаются в человеке неслиянно и нераздельно [4, с. 440].

Средневековой апории о невыразимости индивидуального (*individuum est inefabile*) В.А. Кутырёв даёт новую интерпретацию. Индивидуация постчеловеческой цивилизации не только невозможна концептуально, но и

эмпирически. Иррациональность технократов – это ускользающий остаток и базовая территория их *modus vivandi* [4, с. 31].

Сравнивая диалектику и синергетику, Кутырёв обращает внимание, что в первой движение абсолютно, а устойчивость, равновесие, покой – относительны, но они есть, признаются. В синергетике и абсолютном эволюционизме «покой нам только снится». Это теория принципиально неравновесных систем и мировоззрение бесконечного становления [4, с. 84].

Гейминг – это пересмотр жизни под искусственным виртуально-позитивистским соусом, соскальзывание по ленте Мёбиуса в точку невозврата. Антропологическая катастрофа свершилась не в момент высадки на Луну и не в криокамере генномодифицированного Франкенштейна. Она приходит вместе с интеробъективным Б. Латура и «Великим Внешним» К. Мейясу.

Традиционная тема для мыслителя – ограниченность орудийного господства. Автор замечает, что вместе с огнём Прометей вселил в людей слепые надежды. Утопии нужны настолько, насколько они помогают жить [4, с. 43].

Продолжая идею консервативного прогресса, можно прогнозировать, что инновации будут, но они будут не такие, как мы обычно думаем. Не безграничная экспансия во Вселенной, а оптимизация и уплотнение Земли. Фермы заменят комбинаты искусственного мяса и молока. Коровы и свиньи останутся только в зоопарках и на эко поселениях. Еда будет представлять собой смеси, брикеты и здоровые снеки из гомогенизированных биополимеров, витаминов, минералов и наполнителей. Национальные кухни останутся только в ресторанах. Рождение детей станет анахронизмом «отсталых традиционалистов». Для сохранения здоровья эмансипированной женщины, детей будет вынашивать инкубатор.

Антропологические пределы и ориентиры. Дальнейшее продвижение культуры, духовности и человека возможно в посткапиталистическом режиме. Рыночная экономика будет сохраняться, но в обществе неизбежно будут шириться социалистические отношения. Социализм – вечный проводник капитализма, они связаны как право и государство. Частная собственность дополняется дарением и альтернативной системой владения и доступа к ресурсам, где право пользования ценится выше, чем право владения. Чистый капитализм перестаёт быть прибыльным. Производство всё больше нуждается в планировании, корпорации – в социальных программах и тонкой настройке коллектива в виде неэкономической мотивации персонала. Интеллект, образование, творчество – вот двигатели постиндустриального общества. Чтобы управлять таким обществом нужно пройти эволюцию от зоны контакта (насилие) через волевой и харизматический контроль до оптимизации финансово-ресурсных потоков и процедур.

Философы имеют отрицательную черту к удвоению (усложнению) мира: горы – это не горы, поля – это не поля, реки – это не реки, человек – это недоживотное (недокомпьютер). Философу всегда что-то не хватает, чего-то острого, интерпретирующего. Ему мало тотальной простоты. Нужно увидеть проблему там, где другие её не видят. Затем появляются последователи и институты, которые должны продолжать генерировать сложности для поддержания пищевых цепочек. И общество начинает верить, что концепции творят реальность. Философы принесли благую весть: «Люди! Не нужно таскать воду и колоть дрова! Пишем опусы и лечим мир словесными излияниями! Генерируем способы описания мира и бесконечные апдейты по дальнейшему согласованию всех картин мира!» Подобно достигшему просветления монаху дзен, Кутырёв пришёл к истине «Горы – это горы, моря – это моря, поля – это поля». Никакой «вещи в себе» не существует! Это толстовство! Философия великого опрощения! Аскеза мысли. Гигиена для ума.

Увы! Ослепленная прогрессом технонауки, философия видит все хуже. «Философов, которые могли бы по достоинству оценить новое грамматологическое платье постмодернистских королей, становится все меньше. Открытое тоталитарнотехнологическое общество враждебно рефлексии. Оно игнорирует мыслящее мировоззрение и подавляет в себе последние живые элементы» [4, с. 456]. Ответственная философия – вот редкий товар на рынке и Кутырёв негоцирует это предложение.

Выводы. Положительную основу программы Кутырёва составляют следующие положения: явленный мир есть подлинное бытие; бытие есть благо; истинность проверяется близостью к человеку; лучший мир, этот тот, в котором мы есть. Уход в машинное и цифровое бессмертие справедливо разоблачается как очередное прельщение технократической цивилизации, цифровой самообман. Подлинная иммортология, несомненно, может быть основана на идеях служения, почвы, коэволюции. Актуально звучит призыв вернуться в субстанционально человеческий трёхмерный мезокосмос, соразмерный нашим органам чувств. В социальном измерении программа А.В. Кутырёва, позиционируемая как динамический консерватизм, имеет самые долгосрочные перспективы.

Список литературы:

1. Кутырёв В.А. Левый консерватизм как философия сопротивления техногенной деградации человечества (Михаил Лифшиц и конец классической марксистской философии – по итогам празднования 200-летия со дня рождения К. Маркса) // Философия хозяйства. 2019. № 1 (121).- С. 95-110.

2. Кутырёв В.А. Они идут... встречайте! (об антропологической инволюции техногенной цивилизации) // Философия хозяйства. 2018. № 1 (115).- С. 218-226.

3. Кутырёв В.А. Последнее целование. Человек как традиция. СПб: Алетейя, 2015. – 312 с.
4. Кутырёв В.А. Сова Минервы вылетает в сумерки (Избранные философские тексты XXI века). СПб: Алетейя, 2018.- 526 с.
5. Кутырёв В.А., Нилогов А.С. Технологии переступают через человека... но люди боятся знать об этом // Философия хозяйства. 2018. № 5 (119). – С. 237-250.
6. Кутырёв В.А. Унесённые прогрессом: эсхатология жизни в техногенном мире. СПб: Алетейя, 2016. – 300 с.
7. Кутырев В.А. Философия трансгуманизма. Нижний Новгород: Нижегородский университет, 2010.- 85 с.
8. Тимощук А.С. Рецензия на книгу Кутырёва В.А. Последнее целование. Человек как традиция // Вопросы культурологии. 2016. № 8. – С. 75-78.
9. Тимощук А.С. Философия сопротивления // Вестник славянских культур. 2017. № 2 (44). – С. 194-198.
10. Тимощук А.С. Читать Кутырева. Забыть Мейясу // Вестник Вятского государственного университета. 2019. № 1(131). – С. 96-98.

**МОНУМЕНТАЛЬНОЕ ИСКУССТВО
КАК ТРАНСЛЯТОР АРХЕТИПИЧЕСКИХ СМЫСЛОВ
А.А. Шпаковский**

Монументальное искусство есть способ фиксации и указания идейных, нравственных и эстетических ориентиров общества. Компания мести памятникам, развернувшаяся на Западе, особенно в США, неожиданно ярко высветила значение монументальной пропаганды. Война с памятниками и монументами есть война с большими архетипическими смыслами и идеалами той или иной цивилизации - нации. Если памятники рушат, значит, происходят революционные перемены, слом идейной парадигмы, или пришел иноземный или внутренний враг. Если памятники сохраняются, то при всех внешних изменениях говорить можно лишь об эволюционном пути развития духа нации.

В Италии до сих пор стоят памятники древним римским императорам, даже из «стратегических материалов», несмотря на смену эпох, религий,

государственности, нашествие варваров, разнесших, кстати, идеалы античности по Европе.

С этой точки зрения, совершенно иначе открывается хрущевский курс по десакрализации сталинского периода. И почему Мао так жестко отрицательно отреагировал на него. Но нам интересно через призму монументализации или демонументализации глубинных архетипов увидеть себя любимых, куда идет или катится наше общество, страна, народ? Кто и как эксплуатирует, укрепляет или разрушает эти смыслы?

Русь пережила несколько этапов десакрализации «старых смыслов». Условно их можно обозначить следующим образом:

1. *КРЕЩЕНИЕ*. Утопление «старого Перуна» в Днепре. В церковной архитектуре утверждается богатырский, домонгольский стиль, греческий (византийский) канон иконописи.
2. *РАСКОЛ*. Борьба со старообрядчеством. В архитектуре - отказ от шатрового стиля, утверждения пятиглавия, установление нового канона иконописи.
3. *ИМПЕРИЯ*. Освоение и усвоение всех форм светского искусства, разработанных на Западе. Петровская секуляризация всех сторон жизни породила противоречие между нескрываемым протестантским материализмом элит и православной созерцательностью русского народа.
4. *СОЦИАЛИЗМ*. Материализм как идея в форме марксовской бухгалтерии (Капитал). Атеизм – государственная религия, человек – творец Истории. Ленинский план монументальной пропаганды.
5. *ПОСТСОЦИАЛИЗМ*. Материализм, как практика жизни. Формальный симбиоз обрядовой церкви и светского государства. Общество не имеет единых идейных целевых и нравственных скреп и ориентиров. Если к этому приплюсовать ленинско-сталинскую борьбу с уклонами да перегибами, хрущевскую десталинизацию, горбачевскую гласность и прочие мелочи, типа “смены матрицы”, мы увидим, что единственная скрепа страны – победа в Великой отечественной войне, и эта тема нещадно эксплуатируется для поддержания духа российской нации, что, впрочем, не приводит к желаемым результатам.

Страна остается ментально расколотовой: язычники - православные, демократы - монархисты, либералы - консерваторы, интернационал коммунисты - национал коммунисты, дети Арбата - сталинисты, анархисты - абсолютисты, западники - евразийцы. В основе раскола – не спор о прошлом, а апелляция к фактам истории в мыслях о Будущем. Актуализированного видения будущего, как универсальной и все примиряющей идеи в широком русском ментальном поле пока незаметно. Я не говорю, что такого учения нет вообще, но на поверхности плавают или отыгранные исторические варианты, или привнесенные извне

идеологические химеры. В мире господствуют эгоизм (субъективизм), нажива (частная собственность) и похоть (ночная стихия инстинктов). Как говорит Гегель «Всё дело в среднем термине!» «Частник» на латыни «идиот».

Но вернемся к теме монументального искусства постсоветского периода. Где большие и емкие творения, утверждающие великие смыслы, устремления, идеалы?

Рассмотрим три символа этого времени: памятник Жукову, маршалу победы на Манежной, князю Владимиру, Крестителю Руси и, последний опус, памятник советским воинам под Ржевом.

При всей моей любви и уважении к скульптору В. Клыкову, особенно раннему, памятник Жукову крайне неудачный, но верно отражающий суть своего времени.

1995 год. Страна в руинах после развала и поражения в третьей мировой, информационно-идеологической войне. Растерянность и полный разброд мыслей населения. Внешнее управление, олигархат, Клинтон и Ельцин принимают парад по поводу пятидесятилетия победы во второй мировой на Поклонной горе. Вот маршал победы и “охренел”, попятился в своем тормозящем жесте правой руки. Получается конёк вроде вперед на тонких ножках, а грузный маршал - назад. Разве это - не характеристика времени?! Попутно замечу, что Жуков, насколько помню, начинал службу в драгунах и был с конем за одно, а здесь он, как мешок с картошкой. Нет единения всадника и коня! Это символизирует разбалансировку и разобщенность, разнонаправленность действий и устремлений «верхов и низов» т.е. «едущих и везущих». Так что, памятник честно рассказывает о времени и о себе. Поэтому и была предпринята попытка в марте 2020 года, под предлогом реставрации заменить его на более приличествующий суверенной России символ.

Но «общественность», которая бдительно следит за символикой и понимает её значение, всполошилась и не позволила, чтобы Жуков на богатырском коне с жестом «честь имею» заменил «тормозящего маршала». Я намеренно не касаюсь вопросов художественного вкуса и профессиональной тематики. Скажу лишь, что в это же время, с 90-х годов, начинается засилье в монументальной скульптуре псевдоклассического «а-ля XIX-ый век», клерикально-сусального стиля.

Эта кукольная слащавость, антимонументальность, с характерно угодливо вылизанной поверхностью, заполнила всю Поклонную гору, стала нормой и паточкой расползлась по всей стране.

К примеру, памятник князю Владимиру.

Парадоксальная ситуация предшествовала его установке: памятник слеплен, отформован, потрачены миллионы и миллионы, а общественность против установки на Воробьевых горах! Сочувствуем автору... Вот и вlepили памятник, где место нашлось. А оно не нашлось! Ни по масштабу, ни по высоте

расположения самой фигуры, ни по архитектурной обстановке. Я обещал не высказывать своего личного мнения о достоинствах или недостатках пластики, объемах, тектонике и прочих неинтересных профессиональных подробностях. Но скульптура плоская и кургузая, несмотря на складочки. Этаким дед Мазай, не скинувший тулуп по весне. В общем, занял Владимир место в Москве, да не своё. «Литературщина» в виде рельефа на заднем плане, к счастью, вообще не воспринимается, пока не уткнешься носом! Превзойти памятник на Владимирской горке, как ни пытались, не удалось, ни по одному из параметров.

Ржевский монумент.

Русская цивилизация логоцентрична и часто впадает в «литературщину» даже в тех видах искусства, которые в самом своем понятии являются символическими и абстрактными. Ярким примером этой тенденции стал Ржевский монумент, представляющий собой химерическую иллюстрацию к песне. Это некорректная смесь жанров началась с электронного исчисления усредненного героя: в компьютер зарядили тысячу фото солдат и вычислили средний образ! Говорят, что это была идея самого бывшего министра В. Мединского. Хотелось бы напомнить бывшему министру: усредненное не есть архетипическое! Так что хвастать такими достижениями компьютеризации искусства, дело по крайней мере сомнительное, хотя и «трендовое».

К слову, политбюро СССР несколько раз собиралось по поводу недостаточно русской иконографии Родины-матери, пока Вучетичу не удалось создать законченный образ. Только после этого он (образ) был воплощен в обелиске на Мамаевом кургане в Волгограде-Сталинграде.

Но вернемся к содержательной, идейной проблеме Ржевского монумента, так сказать к единству формы и содержания или его отсутствию. Основное понятие в монументальной скульптуре, архитектоника, т.е. устойчивость, столпность по-русски. Поэтому люди стойкие, нерушимые, негибаемые в Духе на Руси зовутся столпники, твердо стоящие пред Богом.

Здесь же мы видим, что нарушен сам закон столпности – архитектоники. Солдат зиждется на подпорках, на жидком, тоненьком, немасштабном, чужеродном каркасике – жуткое ощущение неустойчивости, разрушения и внутренней пустоты. Это не та содержательная, свободная, объемная пустота колокола, рождающая все проникающую, всё заполняющую вибрацию звука – эмоцию Богу. Это пустота распада, разрушения, требующая постоянно новых подпорок, по мере разлета пазлов-журавлей.

Да простят меня ветераны! но КОЛОСС, распадающийся в своем основании – символ энтропии материи, да и самой идеи памяти, по сути – АНТИ ПАМЯТНИК.

На этом, пожалуй, можно и закончить. Но анализируя состояние и тенденции в монументальном искусстве нашей страны остаются открытыми вопросы:

- насколько искренни культурно-эстетические пристрастия элиты, и нет ли в них двойного назначения?

- какой горизонт событий прошлого и будущего доступен для осознания ныне правящей элиты?

- есть ли позитивно научное видение путей реализации идеалов тысячелетнего Русского мира в условиях нового технологического уклада?

Или нас будут учить обороняться от мифических «половцев и печенегов», собирая с нас же электронную дань на эту оборону, чем и ограничится «духовное единство» элиты и народа.

ФОРМЫ ДУХОВНОГО ВОСПРОИЗВОДСТВА

В.Ф. Гановичев

Культура вообще, а в особенности, духовная культура – это система самовоспроизводящихся ценностей, смыслов и целей народа. Если она теряет способность к их воспроизводству в последующих поколениях, она с неизбежностью деградирует и в итоге погибает, приводя к деградации и исчезновению своего носителя.

Душа культуры, залог её существования содержится в языке и традиционных принципах отношений между людьми (нравах). В языке и правилах общежития сконцентрирован также результат действия культуры, благодаря им передаётся базовая ценностная иерархия, основные смысловые и целевые установки народа [1, с. 8]. Такая мощнейшая по своему воздействию культура, как русская имеет силу хранить свой дух в неприкосновенности на протяжении веков даже в размерах «одного хутора» и возможность (в гипотетической ситуации тотального физического уничтожения) разрастись из этого ядра, возродиться. Однако, одного языка и обычаев (естественных форм воспроизводства) недостаточно для полноценной действенности и жизненности национального духа, что показывает опыт русских общин за рубежом – они не привнесли ничего выдающегося в сокровищницу культуры, лишь законсервировав её наличное (на момент отделения) состояние и, в основном, представляют этнографическую ценность.

В процессе утверждения и развития высших достижений с необходимостью возникают специфические формы, отвечающие за каждую функциональную сторону деятельности духовной культуры. Этих форм – пять.

1. Политика (аксиологическая сторона)

Базовая институциональная форма – правовая, она является основой для полноценной работы всех остальных механизмов воспроизводства национального духа.

Правовая система формируется как отражение национальной системы ценностей и является закрепляющим её механизмом [2, с. 15]. Когда она не вступает в противоречие с общенародными нравами, когда утверждаемые им ценностные приоритеты совпадают с традиционными, она обладает устойчивостью. Такое государственное законодательство можно назвать институционализированной национальной этикой. Поэтому политическая независимость нации, позволяющая посредством правовой системы закреплять устоявшуюся иерархию ценностей – первейшее условие для свободного развития культуры, а борьба народа за независимость, его национальное самоопределение – неизбежный начальный этап её становления [3, с. 25-26].

Существование народа в рамках иной культуры, даже не противостоящей, не подавляющей его язык и традиции, не приводит к ассимиляции и растворению только в состоянии изоляции. Но даже получив автономию и обладая правами устанавливать собственные законы, он находится под воздействием иных, доминирующих ценностных систем метрополии, подвергающих коррозии и понижающих способность культуры к воспроизведению национального духа.

Борьба русского народа Донбасса за независимость (от враждебного его духовной основе квазигосударственного образования) и возвращение в материнское пространство Русского мира – это абсолютно естественная, здоровая реакция коренной культуры на разрушение, на попытки уничтожить исторически сложившуюся систему ценностей. Степень упорства в этой борьбе – показатель глубины и высоты общего культурного уровня народа, силы его национального духа.

2. Религия (мировоззренческая сторона)

Декларируемая правом система ценностей – внешняя человеку, «не разрешает проблемы жизни» в их полноте [4, с. 111], благодаря мировоззрению она переносится вовнутрь и находит субъективное оправдание. Вера народа не опосредована в полной мере и отчасти независима от комплекса его ценностей, потому что, отражая смысловую систему – общий взгляд на мироздание и на человека, смысл их существования – сама определяет, преобразовывает его, и

даже может радикально менять ценностные приоритеты. Это противостояние наблюдалось в русском христианстве и было преодолено включением народных верований и языческих обычаев в православные (например, совмещение праздников).

Не случайно православию ставят в заслугу создание единого русского народа, несмотря на существование и прежде единого языка и единых ценностей у языческих племён, его составляющих. Ценностная система (оформившаяся в язык) сама по себе, как реализация «инстинкта духа» – продукт высокого культурного развития. В некотором смысле это ещё не есть единый организм, где отдельность, субъектность частей (в виде родственных племён) ещё сохраняется. Единая смысловая система как единое мировосприятие снимает проблему междоусобицы в «семье народов» и оформляет культуру как единую, а народ уже как единый субъект. Церковь как институт трансляции мировоззренческо-смысловой составляющей национальной культуры – неотторжимый элемент её жизни.

Господство общей этической системы (в форме закона) допускает гармоничное пребывание в своих рамках различных инокультурных образований, как это наблюдается в истории Русской Империи (досоветского и, особенно, советского периодов). Так же и преобладание одной религии наделяет как её саму, так и государство толерантностью к иным религиозным взглядам и мировоззрениям, не ущемляя их «свободу совести», но даже обогащая и их, и доминирующую в обществе культуру. Однако, в критической ситуации инокультурной интервенции борьба с разномыслием (по-гр. «ересь») и инаковостью (по-лат. «диверсия») – необходимые средства самозащиты от разрушения. Снова можно поставить в пример запрет сектантской деятельности на Донбассе в наши дни как проявление инстинкта культурного самосохранения народа в качестве органического духовного субъекта.

3. Творчество (динамическая сторона)

Политическая и религиозная сферы – это, во-первых, консервативные элементы воспроизводства духа, во-вторых – объективные, принимаемые человеком как данность, поэтому в процессе смены поколений и изменения исторических реалий подвержены размыванию, вплоть до забвения и отвержения. Как устоявшиеся ценности, так и каноническая смысловая картина действительности в каждом оказавшемся в поле действия культуры субъекте требуют личностного переутверждения [5, с. 235, 268-269], посредством рефлексии, сомнений, разрушая [1, с. 12] и созидая их вновь [6, с. 64], подобно кашмирскому Шиве. Эту роль выполняет искусство и наука (как искусство размышлений) – творчество. Оно, будучи динамическим, оживляющим

элементом, включает в сферу своего пересмотра обе консервативные сферы (право и мораль), нарушая табу и правила, но давая второе рождение системе ценностей и целей – уже как имманентных индивиду.

«Творящие его – не индивидуалисты-оригиналы, они не выдумывают его, как нечто только своё, а воплощают родовое, всечеловеческое, Вечное» [7, с. 37], поэтому русская литература и русская наука проникнуты философией и космизмом, а русских творцов относят к одному уникальному «классу профессионалов духовного производства» [8, с. 99] – творческой интеллигенции (куда включены не только «работники умственного труда», а художники, поэты, музыканты...). «Интеллигенция – даже независимо от личных устремлений людей, которые так или иначе к ней принадлежат, – не только неизбежно вовлекается в политико-идеологическую жизнь, но и в определенных отношениях представляет собой её средоточие, её концентрированное выражение» [9].

Впечатляющий подъём в сфере художественного и интеллектуального творчества в состоянии военного положения и бытовой неустроенности в республиках кажется парадоксальным, но именно угроза русской культуре сделала этот всплеск закономерным. Хотя и не так очевидно, но такое же оживление происходит на всём пространстве терзаемого инородной экспансией Русского мира.

4. Идеология (телеологическая сторона)

Ценностно-смысловые архетипы национальной культуры, пропущенные через индивидуальное и коллективное чувство и сознание, определяют целевые общественные установки, выраженные в государственной идеологии. В её образе являет себя национальная идея как вербализированный и формализованный результат творческой деятельности культуры по её осмыслению.

Идеология, так же, как и национальная идея, включает в себя все три предыдущие области – правовую, религиозную и творческую [10, с. 446-448]. Будучи чётко сформулированным аспектом национальной идеи, государственная идеология целиком определяет правовую систему (являясь её категорическим императивом), принимает квазирелигиозный облик [11] (требуя всеобщего поклонения), как вершина творческого поиска сдерживает его разрушительные тенденции, необузданность критицизма (через установление цензуры).

Резонанс народных устремлений с порождённой ими идеологией, (озвучивающей ясные для любого уровня сознания цели) приводит к пассионарному толчку [12, с. 257], в котором культура самовозжигает себя.

Мир высокоразвитой культуры не терпит идеологической пустоты – отказ от автохтонной идеологии ведёт к инфицированию умов низкопробными идеологемами, как правило, чужеродного происхождения. В результате наносится

значительный ущерб не только государственным, но духовным структурам общества, его скрепам. Пагубность этой когнитивной пандемии мы можем воочию наблюдать на пространствах Русской цивилизации в наши дни, но гарантия её преодоления (признаки которого уже просматриваются) содержится в бесконечной мощи нашей великой культуры и этот институт неизбежно будет восстановлен.

5. Культурный образец (иконографическая сторона)

Конечный результат и высшее достижение духовной культуры – это Человек как её носитель, формирование которого есть её главная функция. Духовная личность – наверхние культурной пирамиды и, вместе с тем, её основание – основание «сверху», «от неба», без которого духовное продолжение народа невозможно в принципе.

Пример для подражания, образец поведения и мировоззрения, всегда имеют мощное воспитательное и образовательное воздействие, а когда это явлено в действительном человеке, то это воздействие неодолимо.

Личностью охватываются и в ней соединяются все сферы духовно-культурной деятельности, её иконографические образы являют себя в народных героях и вождях, в святых подвижниках и духовных авторитетах, в творческих и научных гениях, в самоотверженных служителях национальной идее и её пророках.

Исторические личности очищены от случайных субъективных черт, превратившись в полумифических персонажей (как Илья Муромец) и воплощают духовные архетипы народа. Великие люди более близкого периода уже приближены к простому человеку и их духовное величие есть прорыв Божественного сквозь индивидуальные человеческие особенности (что, к сожалению, делает их образы более уязвимыми перед агрессивной подлостью). «Неуважение к предкам есть первый признак дикости и безнравственности. Гордиться славою своих предков не только можно, но и должно, не уважать оной есть постыдное малодушие» [13]. Почитание великих личностей даёт благотворный воспитательный эффект и возвышает дух общества в целом, а «развенчание мифов», «поиски исторической правды» – это попытки погрузить драгоценный для культуры и явленный в её гениях Божественный свет «во тьму низких истин» – преступление, не имеющее оправданий.

Главный из актуальных примеров живого народного духа – это верховный представитель нации, Лицо её культуры, Государь, имеющий право и обязанность заявить: «государство – это я», Суверен.

Так называемое демократическое устройство западных государств представляет собой механизм манипуляции деидеологизированным населением,

так называемые выборы – лишь смена масок, за которыми не просматривается лицо народа, а его властители «не первые среди подданных своих» [14, с. 219]. Отсутствие суверена (а значит и подлинного суверенитета), этой важнейшей составляющей духовного воспроизводства, ведёт такие культуры к упадку и разложению («всё становится лживым, превратным, ужасающим»). Жизнеспособные культуры идеационного и идеократического типов [15, с. 18], даже приняв «демократическую модель», всё же находят способы уберечь своего Вождя от случайностей народных настроений и интриг политических авантюристов, тем самым сохраняют лицо своей культуры и её достижения (лишь изменив форму всеобщей присяги верховному правителю нации и назвав её «выборами»).

«Оппозиционные» (в действительности – фрондёрские) движения, направленные на «демократизацию» и «открытость» (через «цветные революции», разумеется) следует признать проявлениями антинародных, бездуховных, разрушающих культуру сил (какими бы мотивами они не руководствовались, какими бы целями не прикрывались). Примеров обеднения культуры до уровня полной дикости в результате успеха этой деятельности на сегодняшний день имеется множество – от Ирака до Малороссии.

Наличие и полноценное функционирование всех пяти механизмов критически важны для существования духовной культуры народа, а их сохранение, укрепление, поддержка и совершенствование относится к ключевым вопросам национальной безопасности.

Список литературы:

1. Русская интеллигенция и западный интеллектуализм: история и типология. Материалы межд. конференции. Неаполь, май 1997. Составитель Б. А. Успенский. – М.: О.Г.И., 1999.
2. Иеринг Р. Борьба за право. – М.: Изд. К. П. Солдатенкова, 1874.
3. Гегель Г.В.Ф. Работы разных лет. Т.2. М.: Мысль, 1971.
4. Бердяев Н. О назначении человека. Опыт парадоксальной этики. Париж: Современные записки, 1931.
5. Ницше Ф. соч. в 2-х томах, том 1. – М.: Мысль, 1990.
6. Шеллинг Ф. Система трансцендентального идеализма. – М., 1937.
7. ВладиМир. Гений Руси. – М: издатель Воробьёв А. В. – 2005.
8. Панарин А.С. Правда железного занавеса. – М.: Алгоритм, 2006.
9. Кожин В. В. О русском национальном сознании (1990) <https://www.litmir.me/br/?b=48219&p=1>
10. Ильин И. А. Наши задачи. Том 2. – М.: Айрис-пресс, 2008.
11. Рыклин М. Коммунизм как религия. – М.: Новое литературное обозрение, 2009.

12. Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. – М.: ФТМ, 2000.
13. А. С. Пушкин. Собрание сочинений в 10 томах. Том 6. Критика и публицистика. – М.: ГИХЛ, 1959-1962.
14. Ницше Ф. Так говорил Заратустра. Книга для всех и ни для кого. – М.: Интербук, 1990.
15. Сорокин П. А. Социокультурная динамика // Человек. Цивилизация. Общество: / Пер. с англ. – М.: Политиздат, 1992.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Джерелиевская Ирина Константиновна, доктор филос. наук, председатель «Центра этики и эстетики Русского мира»

dzhereli@mail.ru

Пантин Владимир Игоревич, доктор. филос. наук, зав. отделом ИМЭМО РАН

v.pantin@mail.ru

Баркова Элеонора Владиленовна, доктор филос. наук, профессор кафедры истории и философии РЭУ им. Г.В.Плеханова

barkova3000@yandex.ru

Пересторонина Маргарита Геннадьевна, аспирант Литературного института имени А.М.

Горького

margarita_perest@mail.ru

Бейлин Михаил Валерьевич, доктор филос. наук, профессор кафедры философии и теологии, Белгородский государственный национальный исследовательский университет

e-mail: mysh_07@mail.ru

Газнюк Лидия Михайловна, доктор философских наук, профессор кафедры философии и теологии, Белгородский государственный национальный исследовательский университет

e-mail: lgazn@mail.ru

Ищенко Нина Сергеевна, доцент кафедры музыкального искусства эстрады Луганской государственной академии культуры и искусств имени М. Матусовского

e-mail: niofterna@gmail.com

Заславская Елена Александровна, преподаватель кафедры рекламы и PR-технологий Луганской государственной академии культуры и искусств имени М. Матусовского

e-mail: zaslavskaja@gmail.com

Трубецкая Анастасия Юрьевна, канд. филос. наук, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин и истории права Московского городского университета управления Правительства

Москвы им. М.Ю. Лужкова

e-mail: trubetskay@gmail.com

Крюкова Ольга Сергеевна, доктор филологических наук, зав. кафедрой словесных искусств МГУ имени М.В. Ломоносова

e-mail: florin2002@yandex.ru

Джерелиевская Мария Анатольевна, канд. психолог. наук, доцент кафедры методологии психологии МГУ имени М.В. Ломоносова

e-mail: madj@mail.ru

Тимощук Алексей Станиславович, доктор филос. наук, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний

e-mail: human@vui.vladinfo.ru

Шпаковский Алексей Алексеевич, ст. преподаватель Московской государственной художественно-промышленной академии имени С.Г. Строгонова, член Московского Союза художников, член Творческого Союза художников России, член «Центра этики и эстетики Русского мира»

e-mail: ashpakovsky@yandex.ru

Гановичев Вадим Федорович, член Совета «Центра этики и эстетики Русского мира», главный редактор сайта «Центра этики и эстетики Русского мира»

e-mail: obschina@mail.ru

КАК ВОССТАНОВИТЬ КУЛЬТУРНУЮ ПОЧВУ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ?

**Сборник материалов «круглых столов»,
проведенных Региональной общественной организацией
«Центр этики и эстетики Русского мира»
(ноябрь 2019 - март 2020)**

Техн. редактор Гановичев В.Ф.

ISBN 978-5-6041297-2-2

